

МАРАТ КАРАПЕТЯН

Арт-директор

Марат Карапетян

Арт-директор

«Издательские решения»

Карапетян М. В.

Арт-директор / М. В. Карапетян — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835086-3

Роман «Арт-директор» — первая работа автора. Она совмещает в себе противоречивые вещи: служение автора рок-музыке и работу в финансовой сфере корпораций, тонкий романтизм и едкую иронию, философские размышления о самых разных сферах творческой жизни и жесткие аналитические выводы.

ISBN 978-5-44-835086-3

© Карапетян М. В.
© Издательские решения

Содержание

Первая книга. Музыкант.	7
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	26
Глава 7	31
Глава 8	34
Глава 9	39
Вторая книга. Клерк.	44
Глава 10	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Арт-директор

Марат Владимирович Карапетян

*Посвящаю эту книгу своему отцу
Карапетяну Владимиру Амбарцумовичу*

Корректор Ольга Васильевна Соболева

Корректор Мария Александровна Крашенинникова

Редактор Игорь Викторович Поляков

Фотограф Роман Николаевич Какоткин

Консультант Игорь Анатольевич Ельчанинов

Помощь в издании романа: Карапетян А. В., Тимченко А. Ю.

© Марат Владимирович Карапетян, 2020

© Роман Николаевич Какоткин, фотографии, 2020

ISBN 978-5-4483-5086-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Первая книга. Музыкант. 1—9 главы

Глава 1

Многие уверены, что между словами «музыкант» и «тусовщик» стоит знак равенства. Не совсем понятно, отчего так получилось, но это так. Когда концерт заканчивается, рокеры едут веселиться, выпивают и предаются разврату и наркотикам.

Часто воображение рисовало такие картины мне, пока я не сыграл свой первый концерт в 15 лет. Со временем я заметил, что повеселиться хотят те, кто был в зале, а те, кто был на сцене, хотят сохранить в себе чудесные мгновения счастья, которые можно обрести только в музыке...

В школе № XX уездного города N было все, присущее хорошей городской школе. Запахи столовой, кабинет труда, актовый зал, доска почета, октябрята и пионеры. Красивые комсомолки и бравый физрук. Учитель музыки часто вздыхал, глядя, как под Рахманинова школьники играют в морской бой. Иногда его заменяла другая учительница. Красивая и очень сладкая на вид. Многие парни, и особенно спортсмены, пытались делать вид, что им все равно, и не смотрели на нее. А я только диву давался: как такая красивая женщина оказалась в нашей школе? Мы с моим другом часто говорили о музыке, а когда хотелось выставить себя героями, иронично говорили о ней. Дескать, стоит нам лишь захотеть... Друга я не видел уже 10 лет. Он пропал. Может, он превратился в другого человека и сменил личность и внешность заодно. Так иногда бывает: человек с тобой рядом все время – и вдруг он исчезает навсегда. И ничего о нем не напоминает. Только музыка, которую мы слушали вместе и под которую тащились.

Музыка сохраняет так много воспоминаний. В ней растворено так много чувств и желаний, намеков и ожиданий. Океан звуков, а ты – счастливый малыш, без билета прошедший в рай. Как так вышло? Мы часто не ценим того, как много нам может дать песня. Ждем подсказок от жизни, сочувствия от людей, а рядом та сама песня – твой друг и товарищ. А мы иногда забываем о ней, бросаем ее на года, но она терпеливо ждет своего часа, всегда готовая снова усладить и порадовать, как когда-то. Песни были моими лучшими друзьями. Я любил их. Брал их с собой в дорогу. Дорожил ими и защищал, когда кто-то их обижал. Они стали моим домом в царстве нелепых инструкций и некрасивых людей, с которыми мне суждено было прожить мою школьную жизнь. Пока в 14 лет я не услышал *The Beatles*. Моя прежняя жизнь в ожидании чуда закончилась. Я перестал заниматься спортом, учиться и т. д. Начиналось что-то важное. Быть может, во мне родился новый человек, который не сменил внешность и не поменял имени и фамилии.

Эта музыка была настолько свежей и сильной, что я думал только о ней. Как ее сыграть? Как? Все остальное мне и на 5% было неинтересно. Меня это пугало. Иногда мне казалось, что люди оглохли и ослепли. Они ели, пили, и слово «Битлы» у них не вызвало восторга, улыбки или иных чувств. Порой мне кажется, что большинство людей – это роботы. Много раз, смотря прикольный фильм «Приключения Электроника», я думал, что робот – это какая-то классная вещь. Умный помощник. Но роботы вокруг были поглощены бытовухой. Бытороботы. На быдлослете. А ведь Битлы именно из такого же небольшого рабочего города. Может, там воздух другой? Море? Йод?

Одна знакомая хотела стать моделью, танцовщицей, а стала банковским работником. Хорошим и эффективным. Лучший инспектор. Быть хорошим сотрудником тоже неплохо. В ее

глазах ничего не отображается, кроме скуки и голода. Может, у нее даже есть зарядное устройство, и она включает себя ночью в розетку. Утром открывает приложения «ванна», «завтрак». Днем – «работа», «обед», «выход с рабочего места». А когда никакое приложение не открыто, она просто смотрит на собеседника, и рот улыбается, но глаза – нет.

У *The Beatles* не было никакого назидания или протеста, как это было у металлеров и русских рокеров. Они отлично пели, и песни были как сказки. Ты их читал и засыпал спокойно и улыбаясь.

У одного товарища случайно под кроватью я нашел старую—престарую полуакустическую гитару. Красную, пыльную, большую, стильную и без струн. Отверстие для джека призывно звало к себе и навевало мысли о будущем электричестве, которое может пройти сквозь эту гитару. Похожую гитару я видел в книгах про рок-н-рольщики: Билла Хейли, Элвиса, Эдди Кокрана.

– Держи, только куда ты ее будешь включать? Усилителя у тебя нет? Знаешь, купи джек-пятерку и включай в усилоч, от которого играет виниловая пластинка, – сказал какой-то правильный парень, который починил гитару и натянул струны. Так называемый звуач. Они будут окружать меня всю мою жизнь: скромные, как правило, неудачливые либо бывшие музыканты, которые решили, что лучше хорошо «рубить» в звуке, чем плохо – на сцене.

Конечно, я был фаном Брюса Ли. Как иначе. И любил «Динамо-Киев». Это как дважды два. Играешь в футбол, занимаешься боксом. Сравниваешь себя с Марадоной и Брюсом. Споры о том, что боксеры круче каратистов, кажутся увлекательными. Я до сих пор думаю, кто круче: боксер или каратист. Ну и вправду, у боксера удар как молот, но каратист может ударить по колену, и боксер упадет. Мне не приходило в голову читать интервью Брюса, а он там объяснил, что, если он при весе меньше 70 кг не вырубит соперника в первые 5 секунд, будет очень сложно. Вот она истина. Кто быстрее, тот и лучше. В футболе мне не хватало скорости, но я с лихвой возмещал это, раздавая пасы так, что забить гол не составляло труда. Я называл себя диспетчером. Типа футбольный Стэтхем. Хороший пас, как вкусное блюдо, рождает отличное послевкусие: герой не ты, но ты – лучший его друг. Мне хорошо жилось в этих спортивных мирах. В боксе я уже вел разминку, а это очень круто. Сильные ноги и упрямство могут многое дать на ринге. Но когда я услышал Битлов, все было кончено.

Сразу. Вдруг перчатки, мячи, каратисты и даже линия полузащиты киевлян перестали быть чем-то очень важным. Я стал замечать в городе парней с гитарами. Я стал следить за ними. Терся около них, с умным видом рассматривая их лица. Пиво, небритые лица, небрежные фразы, музыкальные термины, английские слова, сигареты, лавочки, значки (такие трогательные) стали окружать меня, и только одно было непонятно. Что дальше. Трамваи носили меня по городу, и огни города шептали: начинай, не зевай, не бывай где не нужно, пора, пора, пора, пора.

В школе в актовом зале было интересно. На сцене всегда отлично. Сцена манила, как эротический немецкий журнал в шкафу у отца. Однажды на этой пыльной и огромной сцене я услышал звук барабанов. Этого было вполне достаточно, чтобы кайфануть по полной, но потом раздался звук гитары. Он был несовершенен, но я испытал то, что сделает меня полностью счастливым, – через меня прошла электрическая гитара. Глаза закрываются, нога притопывает, и плывешь. Гитарист – это просто наркоман. Наркотики он делает сам из нот. Пальцы – его лаборатория. Струны – специальные станки. Станки надо настроить, и они будут отлично тебе служить. Глаза гитариста – вывеска. Я десятки тысяч раз смотрел в глаза гитаристов и был ими заражен. Если бы я был женщиной, я бы только с гитаристами общался. Их глаза всегда таят в себе ярость и тайну. Палец трогает струну, и в глазах отражаются музыка и блаженство. Гитаристы – боги. Повелители людей. Герои сущего. Колдуны. Им можно простить даже хамство. На сцене был гитарист. Я тупо смотрел на него. Это станет моей привычкой на долгие

годы – тупо смотреть на гитаристов. Пальцы. Глаза. Пальцы. Глаза. И так по кругу. И по кругу. Закроешь глаза – и гриф гитары с пальцами, откроешь – увидишь его глаза. А ты закрой глаза! Видишь? Неужели нет? С закрытыми глазами гитарист невероятно красив. Очень.

– А вам в группу не нужны музыканты? – услышал я свой дрогнувший голос. На чем играю? Умею рок-н-ролл на пианино. Нужен? Я готов. А когда репетиция? Отлично.

На 29-м круге вокруг школы я вспомнил, что я не умею играть вообще на пианино, за исключением басовой партии простейшей песни Элвиса. Но ведь это ерунда. Я скоро буду играть в группе. На чем – неважно. Совсем неважно. Совсем. Совсем. Мне повезло. Просто повезло. Очень повезло. Я был на пути. К перекрестку. На пыльной раздолбанной дороге, которая вела меня к перекрестку, на котором скоро загорится синий свет. Ослепит меня. И лишит нормального человеческого зрения.

Глава 2

Он был совсем на меня не похож. Но и похож одновременно. Мы армяне. Армяне чем-то очень похожи друг на друга. Взглядом, наверное. Он такой – ищущий, что ли... Но больше из разряда «ищу то, не знаю что». Он известный человек в узких кругах, у него яркое имя, но сущность его в том, чтобы быть гитаристом. Электрическим. Он – *guitar man*. Поэтому я буду называть его на русский манер – Гитамен, а для простоты просто Гит. Как Кит Ричардс из *The Rolling Stones*.

Гит был из артистической семьи, я из номенклатурной. Гит знал ноты, сам научился играть в детстве на пианино, я до сих пор нот не знаю, на пианино одним пальцем. Гит был посвящен в тайну творчества (он сыграл сына Сталина на театральной сцене – его отец спримутировал), я об этом мог лишь мечтать. Наши родители дружили, но не сказать, чтобы сильно. Отцов связывала скорее национальность, нежели общие взгляды, матерей скорее дети, чем какие-либо увлечения. Ходить в гости к Гиту для меня было будто *Break on through to the other side*. Богемный парень, флейта, музыкальные, недоступные тогда, журналы, обожание знакомых, специальная немецкая школа, связь, в том числе и духовная, с Западом и прочие аксессуары ребенка-эстета. У меня самбо, привокзальная школа, папина черная «Волга», шашлыки по выходным, черная икра (порой) – полный провинциальный набор мальчика-мажора. Но мы с ним оба втайне считали себя выше буржуазных ценностей и, глубоко уважая наших отцов, считали, что они не рубят фишку нового времени. Моего отца уже нет, но с каждым годом я все больше понимаю, что он Так эту фишку рубил, просто хотел, чтобы этого никто не знал. Я это вычисляю по людям, которые его знали, по их разговорам, поведению, по его документам, по его, на первый взгляд, банальным решениям.

Гит меня жалел и, чтобы я меньше крутился у него под ногами с вопросами типа: «А что это за дудочка? Шапочка? Веребочка?», однажды предложил мне сыграть на пианино в четыре руки. Я принял вызов. Особо не получилось. Гит ухмылялся, глядя на свои пальцы, и взял да и показал мне три клавиши, куда жать. И ритм – то бишь когда жать. Получилось. Раз. Два. Три. Я жал и жал. Мама возникла в дверном проеме, небо опустилось, и меня увезли. Домой. Аппетита не было. Я понимал, что с его стороны это была лишь вежливость. Но тогда я подумал, что два ребенка могут вместе создать что-то удивительное за 5 минут. И это важнее оценок и похвальных листов, которыми мерилась моя жизнь тогда. Всего-то шуточная пьеска, развлечение, но мне все время хотелось еще. Причем когда я пытался играть один на пианино, было скучно. С другими пианистами было как-то общаться тоскливо. А с Гитом было как бы интересно. Интересные люди на дороге не валяются, нашел – вцепляйся и вперед. Так думал я. И решил, что Гит станет моим другом и учителем. Но он так не думал. Просто его вежливость я принял за нечто большее. Это будет преследовать меня много лет – обманываться рад. Бывало, открываешь человеку душу, а он сидит и строчит эсэмэску в телефоне. Вот где печаль начинается.

Гит все больше чем-то занимался, ездил по школьным обменам в Германию, встречался с творческими людьми, устраивал капустники, его знакомые много знали. Я становился лишним на этом празднике. Надо было двигаться своим путем. С Гитом я решил завязывать. Да и в соседнем классе появилась девочка, о которой я думал больше, чем о нем...

Музыка к тому времени как-то неожиданно проникла в нашу консервативную кавказскую семью. Формально. Мой младший брат был отправлен в музыкальную школу изучать фортепиано.

Мой брат. Это, пожалуй, мой лучший друг и самый надежный парень из всех, кого я встречал. Младший сын, с кудряшками, ласковый, с веселым характером, он довольно быстро

стал любимчиком родителей. Отец ругал его как-то меньше, но зато мама за это жалела меня больше. Закон сохранения любви в семье. У меня особое отношение к младшим. Так уж вышло, что мне выпало быть самым старшим и у меня только братья. Но родной младший брат – это другая история. Хотел бы я быть на его месте? Часто думаю и скажу: наверное, нет. Младшим не так сладко живется, как кажется. На первый взгляд, их часто тискают, целуют, но и наказывают по полной программе. Старшие братья. Иногда незаслуженно. И если рядом нет взрослого, маленькому может быть очень обидно и сложно. Ару со мной было сложно.

Брат не был в восторге от музыкальной школы. Ходить в музыкальную школу – это как посещать вроде нужную, но непонятную, придуманную, творческую процедуру. Я не видел тех, кому это нравилось. Специальность, сольфеджио, хор. Специальность, сольфеджио, хор. Специальность, сольфеджио, хор. Бред какой-то. ССХ. Дети только и думают, как бы отмазаться от этого гармоничного бреда. Надо бы при приеме в музыкальную школу тестировать детей на детекторе лжи с тремя вопросами: «Ты очень любишь музыку? Ты хочешь посвятить музыке жизнь? Ты бы хотел стать музыкантом?» Если хотя бы один ответ утвердительный – можно брать. Для родителей музыкальная школа – типа часть гармоничного развития личности. А если нечего развивать? Ну нет ни способностей, ни желания. И как правило – это норма. И ребята на выходе из этой творческой бани всю жизнь отсиживаются вдали от этого ада, куда их скинули родители. Есть исключения. Один на тысячу. Например, Гит.

Ару угодил в такую школу. Точка. Тоска.

Меня тогда сильно выручало диско. В 1986 году вышел первый альбом немецкой группы *Modern Talking*. Я его слушал много тысяч раз. А магнитофонные кассеты? *Sony Chrome*, например. Кассета высокого класса. Крутой дизайн и фирменный запах. Наша кассета МК-60 пахла заводом, а западные кассеты дышали роскошью. Обложка кассеты украшалась фоткой, которую мы покупали дороже, чем саму кассету. От этих фоток веяло такой магической сексуальностью. Вот гляну, бывало, на фото певицы *C.C. Catch* в пошлой леопардовой шубе, отхлебну с горла, и хочется быть лучше, сильнее, богаче. А еще у тебя на кассетном магнитофоне играет хорошего качества запись, и вдруг пленку начинает «жевать». Это просто горе какое-то. Ступор. Судорожно вытаскиваешь. Если порвалась – начинается операция по склеиванию. Такая драма. Чувствуешь себя просто хирургом. И если все играет снова – это показатель твоего уровня.

Диско-музыка прекрасна. Уносит печаль. Настраивает на легкий драйв. А когда Томаса и Дитера показали по ТВ, меня торкнуло, и я подумал, каково им. Мысль быть на их месте меня грела, но что-то странное мне мешало стать диско-музыкантом. Парадокс, однако: я их обожал, но в душе был выше их. Слушать их было просто кайф, а вот играть не хотелось. Это раздвоение мучило меня. Но я и не подозревал, что это станет моей бесконечной дилеммой. Музыка через Гита, брата, диско окружали меня, но крючок еще не был нажат. Я искренне считал, что быть настоящим мужчиной и быть музыкантом – разные вещи. Но и в этой мысли была какая-то нестыковка: большинство мужчин настоящих на меня навевали тоску и печаль. Эти парни говорили либо про деньги, либо про машины и охоту с рыбалкой. И это был сериал. Менялись только даты, имена, места и суммы.

А музыканты почему-то нет. Парадоксы еще не стали моей обыденностью, но были рядом. Часами глядя на мучения брата на фоне, я искал золотую середину между тем, что надо, и тем, чего хочешь. В воздухе витала неопределенность. Почти девическое томление и стереотипное поведение боксера превращали меня в какое-то вязкое барахло.

Мне везде было скучно. Просыпаясь уставшим, я чувствовал себя как будто обманутым. Непонятно кем. Тогда я еще не слушал *Pink Floyd*, но настроение было как у песен этой архитектурной группы. Как сказал БГ про эти песни – обманутые надежды. Мрачный и скучный мир вкупе с безответной школьной любовью делали меня все более агрессивным и неприят-

ным. Армянское тщеславие, частые смены настроения превратили меня в реально мрачного и довольно заносчивого типа. Я ждал помощи, как в песне Битлов *«Help»*, когда внешне все отлично, а в душе все рвется на части. Мы стали пить водку по выходным. Три друга в 14 лет. Ритуально и с элементами мистики. Сжигали книжки про разных упырей, орали странными голосами песни и пугали школьных муз. Поначалу вптыривало. Но быть четыре и более часа пьяным и вырубленным меня тешило, но не более.

Шатаюсь как-то раз в подобном настроении, я увидел в магазине пластинку *«Вкус меда»* группы *The Beatles*. Я много читал про Битлов, но пара их хитов, которые крутились по советскому радио, мне показались приторным пирожным. Терять было нечего. Я почему-то купил пласт. Дома послушал. Мне стало вдруг хорошо. Просто так. И это не пропало потом. Ничего особенного в их музыке, но она спасла меня. От моей тоски. Светофор зажегся. Невидимый друг поселился в моей комнате. С появлением плеера мы стали с ним неразлучны. Я перечитал про группу все, что можно. Мелодии стали моим топливом, тексты – новыми книгами. Глаза зажглись, и машина под названием «моя жизнь» тронулась с места.

Глава 3

Когда погружаешься полностью во что-то очень важное, перестаешь замечать вокруг перемены.

Близкие. Привычные элементы поведения исчезают, и наступает время ответов на вопросы. Первыми внимание на то, что я постоянно слушаю музыку, т.е. 100% времени хожу со странным, молчаливым, придурковатым видом, обратили родители. Виной тому, скорее всего, были мои нелепые ответы в пьяном виде (когда я не успевал незаметно добраться до кровати) касательно того, где я был, и т. д. Родители для меня были друзьями, но ведь с друзьями можно обсудить что-то очень важное, а мои попытки обсудить с отцом и мамой музыку, мои восторженность и эмоциональность, которые я испытывал при этом, пугали их. Ведь это отвлекало меня от учебы. Радость моя, как только речь заходила об учебе в будущем и вузе, сменялась унынием. Отец это видел и в присутствии ему тоне попросил: «Ерундой не занимайся» и «Все силы надо бросить на поступление в университет».

А я летел по полям, сшибая бабочек. Орал песни, и поля все были цветные. Особенно в память въелось, когда зимой идешь с гитарой, ждешь трамвая, снег тает, пахнет остановка чем-то напряженным, в груди ожидание огромного, улыбаешься оттого, что у тебя есть что-то такое, но люди и понятия об этом не имеют. Снег все тает и тает, сумерки и люди как тени. А ты все ждешь и ждешь своего первого концерта.

Годы в уездном городе были смутные: Михаил Горбачев, пятнистый перевертыш, придумал перестройку, и мир менялся очень быстро. Меня в то время родители отправили в музыкальный кружок в один из уездных Дворцов культуры для придания формы моим творческим наклонностям. Учил меня играть на гитаре абсолютно инфантильный, вялый и безликий учитель по фамилии Топтыгин. Три месяца я смотрел в его серые глаза и играл польку Кабалевского и иные шедевры, написанные для детей. Удалось ли мне хоть что-то подсмотреть у этого работника культуры? Ничего вообще не удалось.

Гуляя с гитарой по дворам, я ощущал себя частью великой группы, которая пока не создана. Ходил я с гордым видом, с осознанием своей избранности, с трепетом и чувствовал себя героем, но без героини.

Вечером в районе вокзала меня остановили парни с цепями. Бичи их называли. Мое местожительство указало им на мою принадлежность к враждебной группировке. Мне почему-то страшно стало за гитару. Ну так просто сдаваться я не собирался. «Отпусти малого, не видишь: он с гитарой. Играй себе и по ночам не шатайся!» – мрачный парень с оспинами на лице отчего-то улыбнулся. Я был уверен, что он тоже гитарист, но так сложилось, что инструмент он забросил. А если бы не это, уверен был я, он бы уже играл в группе и был бы рад. А теперь вместо этого он ловит по вечерам ребят с соседнего района и от злости, что не стал музыкантом, бьет их. Как мне ему хотелось помочь! Довольно часто, разглядывая нормальных, но несчастных мужчин, мне хочется научить их играть на гитаре. Это просто первый порыв. Как правило, он быстро проходит.

И еще частенько замечаю, что многие люди с непростой судьбой – а ведь у нас в России, а в особенности в Питере, много таких – испытывают странное уважение к тем, кто играет и поет. В Европе это норма – быть поющим и играющим. В Штатах, как мне кажется, петь вообще принято, ну и брэнчать – что же еще делать ковбою вечером на отдыхе? Когда я изучал биографию Элвиса Пресли, бросилось в глаза, как много юный Элвис Ааронович почерпнул у проповедников в церкви, которые ему напоминали невероятно талантливых певцов в стиле *soul*.

Если вдуматься, ведь концерт – это церковная служба, сцена – алтарь, слушатели – прихожане, певец – проповедник. Американский режиссер Джим Джармуш – на мой взгляд, один

из самых честных и глубоких в мире – в своем интервью сказал, что, если бы инопланетяне вторглись на Землю и изучали бы нашу жизнь, в домах они по постерам, значкам, календарям нашли бы больше всего информации о рок- и поп-звездах. Это ведь современные иконы, им мы поклоняемся, к ним обращаемся в минуты радости и печали. Спетая вовремя и в тему песня делает тебя своим почти в любой компании.

С группой из актового зала школы дела шли как-то невероятно быстро. Главным был одаренный, своенравный и быстро заводящийся юноша. Мы сошлись с ним на Битлах. О том, что я типа клавишник, быстро забыли. Репетировать мы стали в весьма своеобразном месте – на фабрике для слепых. Я играл аккорды на гитаре, лидер пел, на басу был парень, покусывающий губы, а вот барабанщик был, похоже, профи. Тогда я впервые ощутил странную связь с барабанщиком.

Вообще, музыкальная группа – это такая как бы небольшая военная часть. Певцы – это танки: всегда впереди, принимают основной удар на себя, больше всего достается им; певцам нужно много топлива, которым часто является алкоголь. Они получают травмы и часто лечатся и ремонтируются в мастерских-больницах. Гитаристы – легкая и тяжелая артиллерия, огневая поддержка. Рифы – жгут и рвут на части врагов-попсовиков, как пушечные заряды, гитарные соло – как пули, останавливают и парализуют противника. Хорошие гитаристы поливают очень круто, и чем лучше полив, тем больше оцепенения в зале. Тут надо заметить: многое зависит от оружия, но на 90% – от таланта стрелка. Басисты похожи на авиацию: нависают над всем происходящим и поддерживают боевой дух и ритм отряда. Но без надежного тыла, безошибочных и выверенных действий барабанщика отряд бессилен. Барабанщик на задней линии боя, но он следит за всеми, всех поддерживает боеприпасами, едой, бодростью духа. Иногда барабаны берут на себя инициативу в качестве соло, и в этот момент бой почти выигран. И в то же время барабанщик как ребенок: он сзади, не видит реакции зала, полностью доверяет певцу и гитаристу, смотря им в спины, видит и чувствует мир их глазами. Оттого барабанщику и сложнее всего в группе. Он должен быть любим – иначе мука. Джон Леннон говорил, что Ринго, барабанщик Битлов, лучший из них. Так же считали и лидеры *The Rolling Stones*, говоря о Чарли Уотсе. Когда в лучшей группе мира 1970-х *Led Zeppelin* умер внезапно Джон Бонем, великая команда тут же распалась. Казалось бы, что тут такого – найти ударника? Некому стало сдерживать безумие гитариста и хандру певца. Это хребет группы, ее опора и антидепрессант.

Почему я стал заниматься музыкой? Откуда это неистовство, которое заставляло меня по 5—6 часов безотрывно разучивать песню или слушать ее 100 раз подряд? Сейчас я могу точно сказать, что очень хотел быть нужным, хотел пригодиться. Об этом так точно написал в своем стихотворении Александр Башлачев:

*Как ветра осенние да подули ближе,
Закружили голову и ну давай кружить.
Ой-ой-ой, да я сумел бы выжить,
Если б не было такой простой работой – жить.
Как ветра осенние жали – не жалели рождь,
А ведь тебя родили, чтоб ты пригодился.
Ведь совсем неважно, отчего помрешь.
Ведь куда важнее, для чего родился.*

А для чего я родился? Учителям, фальшивым и никчемным, я не верил; великая страна агонизировала на моих глазах, преданная и отданная на растерзание западным друзьям генсеком Горбачевым, чьи бегающие глазки кроме омерзения ничего не вызывали; новые люди – коммерцы, нарождавшиеся нувориши – казались карикатурой. Почему-то я не испытывал

никакого влечения к бандитам и нелегальным бизнесменам, хотя женщины у них были шикарные. Тут не поспоришь. Со своими земляками-армянами, братьями по крови, я так и не смог найти общего языка, может, в силу того, что не говорил по-армянски и был неполноценным в их глазах, а может, оттого, что не разделял взгляды большинства из них, сводившиеся к вопросу: «Если ты такой умный, почему ты такой бедный?» Кавказские идеалы дружбы, когда твой друг тебе как брат, в уездном городе не воспринимались – впоследствии я понял, что под словом «друг» в России часто подразумевают не близкого человека, способного разделить с тобой беды и радости, а хорошего знакомого, с которым можно провести время, когда скучно/весело/нечего делать/не с кем выпить.

В 15 лет я остро осознал, что моя жизнь пуста, что я ничтожество, ожидающее своей участи в форме продвижения по жизни по понятному алгоритму: учеба – работа – женитьба – семья – смерть.

Желание созидать и найти свой мир, подсознательная тяга быть истинным творцом, а не лучшим политинформатором города (была у меня такая грамота), вытолкали меня навстречу двум ценностям, которые могли бы меня вытащить из болота жизни: любви и творчеству. С любовью у меня хронически не складывалось, и на перекрестке, выдуманном блюзменом Робертом Джонсоном, я заключил свою сделку: я стал гитаристом, а взамен отдал способность сильно радоваться простым жизненным удовольствиям. Единственное, чего я только желал: не разочаровать отца и поддержать мою маму. Просто ко мне рано пришло понимание того, что они мои дети, а не наоборот. Как-то так сложилось. И с каждым годом я все сильнее и мудрее, а они стареют и все больше становятся моими детьми.

Был назначен день моего первого концерта. За месяц до этого события начались нервы. Репетиции шли нормально. В актовом зале фабрики слепых работал учитель. Мой первый и единственный настоящий учитель музыки. В те годы таких людей называли хударками. Он точно и увлеченно показывал нам разные гитарные фишки, аккорды. Это было блаженство. Для практики мы выучили его песню «Что с тобой?» Он ее аранжировал. Я был в таком восторге от того, как гармонично все звучало вместе, от того, какой у нас талантливый учитель, что многие годы играл эту песню, лет только через 10 осознав, что бывают песни и поинтереснее.

Я должен был внести свою лепту и сочинил первую песню – мегахит «Старый дом». Петь ее было некому, пришлось самому. Я не придавал тогда значения этому, потому что только электрогитара волновала мое сознание. В зале собралось человек 30–40. Они как-то странно себя вели: говорили негромко, размахивали руками. Я опешил: в зале были в основном слепые люди. Уверен, что в этом был символизм: как вы знаете, слух у слепых обострен многократно, и если они принимают музыку – ты чего-то стоишь. Они слушали. Хлопали. Танцевали.

Концерт длился около часа, но когда он закончился, вначале было горе, а потом та радость, которой у меня никогда не было. Слова не нужны. Я полюбил мир, наш смешной зал, огромные допотопные колонки, кошку на улице, кусты на дороге. Даже стал улыбаться. И еще я понял, что у меня есть новые близкие – моя группа. Лидер нехотя похвалил меня, с кучей оговорок, но все-таки. И в этот момент я почувствовал, что концерты – это мои минуты и часы истинного счастья, и еще – я буду с моей группой навсегда, ничто не разлучит нас. Но в следующую секунду я вдруг понял, что жду нового концерта. Я не могу без него. Очень жду. И надо срочно его готовить. Сейчас же. Не теряя времени. Ночью я проснулся от осознания того, что пока не будет назначен новый концерт – жить я не смогу. И с ужасом осознал еще – я стал наркоманом, ведь я просто не могу жить без музыкальных выступлений. Считаю минуты. Часы. Дни. Сам с собой. Прокручивая в моей голове по кругу будущие песни... и соло... и фразы... и детали... и т. д. Сам себя подгоняя, сам себя, и только себя, обвиняя в медлительности. Сбылись твои пророчества – подкралось одиночество.

Я позвонил Гиту и сказал, что играю на соло-гитаре в рок-группе. Впервые за много лет он не казался далеким. Мы договорились увидеться. И еще – он попросил взять гитару. Я не особо хотел ему все выкладывать, но в память о его былой доброте решил посвятить его в свою тайну.

Глава 4

Недавно мой младший брат сказал мне, что он был в кино (смотрел с сыном мультик) и вдруг понял, что мучает его пару последних лет: мы после 30—35 лет думаем о комфорте и как бы заставляем себя отдыхать, а проблема в том, что отдыхать нам не надо. Это и мучает нас. Играя в рок-группе, ты не можешь отдыхать в привычном смысле, надо репетировать и выступать. Если долго не репетируешь, например, больше месяца, – начинаешь забывать некоторые детали, например, гитарных соло, текстов песен и других «примочек», если долго не выступаешь – теряешь навык общения с залом, не получаешь адреналина, своей дозы эндорфинов. Получается, что, если ты в команде и постоянно выступаешь с сольными концертами, а в них-то и раскрывается группа по-настоящему, ты в форме, и депрессия, описанная братом, отмирает. Она всегда рядом и хочет наброситься на тебя, как на ростбиф, но ты своим гитарным грифом сносишь ей голову каждый раз.

Брат ушел из команды много лет назад: может, она его подкараулила и набросилась на него? Первые пару лет он ей не сдавался, но его меч остался у меня, мы его до сих пор точим несколько раз в месяц на репах. Депрессия имеет обыкновение подкрадываться тихо и ненавязчиво – так действует хороший гашиш, как рассказывают страстные растаманы.

Но иногда случается непоправимое: музыкант уходит из группы. Просто уходит. Как правило, из-за жены/любимой девушки, которой невыносима мысль о том, что он там веселится где-то на концерте, и не один, а с бабами-поклонницами, а она его дожидается дома. Одна. Наблюдения за теми, кто вышел из рок-музыки в буржуазное семейное плавание, наводят меня на мысль, что у этого человека просто намечается новая жизнь. Несомненно, интересная и важная, но совсем иная. Почему так бывает? Чтобы быть в музыкальном строю, в этой армии, нужно быть дисциплинированным, в хорошей форме (ведь никто не простит, если ты не придешь на концерт, пропуск репетиции – куда ни шло, но тоже форс-мажор) и в физической в том числе. Культовый шеф-повар Сергей Бродарь сказал: «У каждого человека есть свой срок годности, вот почему люди так часто портятся». А Бродарь – это голова.

Дела в нашей музыкальной группе шли не совсем понятно куда. Лидер хотел, чтобы мы играли свою музыку, но его сочинения меня не вштыривали. Битлов мы играть просто не могли. Дилемма. И еще мне никак не удавалось с ним подружиться. Без этого сложно быть вместе. Это как выпивать водку с человеком, который пропускает каждую вторую рюмку: ты уже пьян и поймал кураж, а он еще в пути. Внутренний облом. Как снежный ком. Чем больше его собираешь, тем сложнее его катать. Встреча с Гитом и мой рассказ ему о первом концерте не произвели на него сильного впечатления. Но обретенный мной Учитель заинтересовал его.

Мы спустя 9 лет стали общаться, но как гитаристы. Гит был внимателен, быстро все сек и щедро давал советы, как лучше играть. Уже тогда мы начали с ним расходиться в деталях, например, он играл медиатором, который иногда терялся, а я почему-то пальцами. Просто я любил депрессивные баллады, где нужно играть перебором, а он прифанкованные мажорные песни, где, наоборот, нужно играть пожестче и почетче. Он таскал в чехле разные гитарные детали (ключи, медиаторы, тюнеры), а я не любил зависимости ни от чего, может, оттого, что часто все терял. Я был влюблен и мрачен из-за безответности своих чувств, Гита скорее интересовала эротическая часть подобных отношений; я придавал значение глубине текстов, немецкоязычный Гит тянулся к ярким соло и сложным аранжировкам; я нравился интеллектуалам и людям с тяжелой депрессией, он нравился почти всем; я выигрывал при дальнейшем знакомстве, он при ближайшем. В общем, я – Леннон, он – Маккартни. Ведь до 1961 года Пол Маккартни играл в *The Beatles* на гитаре и лишь потом по необходимости перешел на бас-гитару. При этом мы с Гитом соревновались в умении нравиться людям, что часто вызывало конфликты, так как я был склонен к мизантропии, а он был гуманистом. Я больше тянулся к тяже-

лой музыке, он восхищался джазом, который меня слегка бесил. Смешно сказать, но кроме безумия по отношению к гитаре нас мало что связывало. А разве этого мало?

В школе у нас учился парень, которого любила девушка, которую любил я. Она проводила с ним много времени. Я же был ее другом. Многие часы я проводил в тупом ожидании, когда они расстанутся, но, не дождавшись, уходил домой. Упрямство не самая лучшая сторона моего характера, но тогда я не мог жить, не увидев ее. Поводы видеться иссякали на глазах, и я решился на сложную человеческую операцию. И в этом мне помогла моя группа. Ее любимый хотел играть в группе, но он был почти бард: играл песни на гитаре и пел что-то, ну, типа «Гражданской обороны», «Воскресенья» и т. д. – в общем, все это мы, истые западные рок-н-рольщики, тогда презирали. Я убедил астральным способом лидера взять этого парня в группу в качестве (!) третьего гитариста. Мы ходили вместе на репетиции. Я провожал его к ней, стал вхож в ее дом, как уже его друг. Пытаясь сыграть на его интеллектуальном несовершенстве, впадал в занудство, красовался перед ней, дарил подарки, но она любила его все больше, теперь уже у меня на глазах. Я и пил с ним, бродил с ним, оказывал разные услуги, выдвигал его в группе на передний план, пытаясь выведать его секрет. Что в нем есть такого? Но секрета не оказалось. Он был примитивен и румян. Херувим. Не более того. Он был ее любимым мальчиком. Через год он будет отставлен. Она уедет в Москву. Развязка была близко. Лидеру надоело, что мы медленно двигаемся вперед, он начал повышать свой голос и даже кричал на меня. И, как Телец, потерпев его на 20% дольше, чем нужно, я устал от него очень сильно и сразу с ним расстался. Два майских жука в одной коробке не уживаются. Мой протеже не расстроился совсем. Он так и не узнает, почему он оказался в команде почти на полгода. Ну а лидеру я только усладил – теперь некому стало с ним спорить. Его это вырвалось наружу и породило неплохую группу. Я благодарен ему за наше своевременное расставание.

Погрузившись в маниакальную печаль от того, что девушка покидает уездный город, я как-то сошелся с одним приличным флейтистом, и мы стали играть в дуэте милые моему сердцу душевные баллады в стиле группы *Scorpions* «*I'm still loving you*». Выступать нам приходилось в разных местах: улица, дни рождения странных людей, подвалы, дворцы культуры и пионеров. Грусть росла, флейтист тоже был несчастен, мы нравились людям. Петть мы не пели, мрачнели по полной, и наш дуэт становился культовым. На школьном выпускном вечере все стало окончательно ясно. Личная жизнь треснула. Группы не было.

В Универ я поступил с лучшими баллами на потоке. Репетиторы сделали свое дело. Меня ждала студенческая жизнь на юридическом факультете. Быть прокурором меня призывали с детства армянские родственники и могущественные друзья отца. Дядя подарил мне проигрыватель для пластинок «Вега». Отец был горд, мне дарили деньги в конвертах на праздновании моего поступления. Мама была очень довольна. Я был гордостью армянской диаспоры. Друг и Гит поступили в другой вуз. И уехали. Все уехали. Она не звонила. Бессмысленное лето лишь усиливало тоску. Сны о чем-то большем. Порнофильмы становились моими кратковременными спутниками. Занавес.

Стоял дурной августовский денек, школьный друг по телефону восторженно сообщил, что у него фирменная кассета с новым альбомом группы *Metallica*. Он давно меня сбивал на металл. Я неплохо уже в нем разбирался, например, мог отличить группу *Manowar* от *King Diamond*, знал, что *Accept* – это нормально, а Скорпы – попса, был в курсе, что наша *Ария* – подделка под *Iron Maiden*. Но зарубало меня в то время от рок-оперы «*Jesus Christ Superstar*». С горя я ее всю выучил наизусть и пел часами напролет. Один. Друг, вставив кассету и забрызгав меня радостными слюнями, с упоением рассказывал о группе, текстах (ударение на второй слог) и смысле альбома. Черный альбом. В том году он определил мое будущее. Вокал Джеймса Хетфилда, тяжелые рифы команды, яростные и сложные тексты погрузили меня в новые мысли.

Прекрасные и легкие Битлы уступали в соревновании за мою деструктивную душу мастерам истинной мрачной музыки. Чем тяжелее играла группа, тем спокойнее становилось мне. Но как сыграть такую музыку? На акустической гитаре, полуакустической даже – не вариант. Гитарные соло пронизывали меня от макушки до пяток, пальцы судорожно бегали по несуществующему грифу. Эта привычка играть соло без гитары останется со мной навсегда и сослужит мне странную службу: когда танцую с девушкой медляк, во время соло я левой рукой автоматически играю соло на ее спине, бедрах или талии, и некоторые особо чувствительные и образованные девушки смотрели на меня как на правильного эротомана. Я не отрицал. Через две недели я выучил наизусть тексты с этого альбома, и вдруг мы с другом одновременно узнали, что в Москве, на аэродроме «Тушино», выступят в большом концерте группы *Metallica* и легендарные *Эй-Си-Ди-Си*. Невероятно!!!

Я помню этот концерт и в деталях, и полностью. Я был не просто впечатлен – после концерта, как декабрист, я решил посвятить себя рок-музыке по-настоящему, без обид и надежд. Так вышло, что мне по жизни приходится людей успокаивать, настраивать. В те смутные годы «Черный альбом» *Metallica* был для меня как лекарство, как глоток свежего воздуха, как антидепрессант. 50 минут – и ты в строю. Под эти песни было очень интересно ездить в электричках: меняются люди, входят и выходят, меняются песни, и как будто пассажиры электрички становятся героями этих песен: жертвами, палачами, детьми, животными. А ведь это гротеск – в электричке появляются продавцы, музыканты, цыгане, просители, менты, убегающие от них люди. И в один прекрасный момент действие в электричке на секунды совпадает с мыслями песен, и наступает момент истины. Чудо. Невидимый оператор снимает только для тебя клип. Я много раз переживал эти волшебные откровения. Каждая песня с этого альбома несет в себе свой смысл. В двух словах:

- 1) *Enter Sandman* – ужас сна;
- 2) *Sad But True* – горечь зависимости;
- 3) *Holier Than Thou* – лицо лицемерия;
- 4) *The Unforgiven* – сущность разочарования;
- 5) *Wherever I May Roam* – сладость дороги;
- 6) *Don't Tread on Me* – ярость сопротивления;
- 7) *Nothing Else Matters* – глубина чувства;
- 8) *Through the Never* – постижение неизведанного;
- 9) *My Friend of Misery* – переживание друга;
- 10) *Of Wolf & Man* – острота поединка;
- 11) *The God That Failed* – неизбежность поражения;
- 12) *The Struggle Within* – неистовство мыслей.

Двенадцать треков, как двенадцать приговоров, как двенадцать надежд, как двенадцать падших ангелов.

Иногда в жизни все так, но есть провалы – это как котел с дырками, как гитара с порванной струной, и ищешь нечто цельное и великое. Таков этот альбом 1991 года. Пробудивший от сна целое поколение. Весь этот год проникнут великими музыкальными событиями: свой лучший альбом выпускают последние герои рока *Nirvana* – «*Nevermind*», лучший альбом выходит у преследователей *Metallica* группы *Megadeth* – «*Rust in peace*», король блюза *Eric Clapton* выпустил свой эпохальный «*Unplugged*». Великие *Dire Straits* радуют нас суперальбомом «*On every street*» с разрывающей сердце вещью «*Calling Elvis*». Поклон творцам.

Я набрал Гиту и стал задыхаться восторгом по этим поводам, но он как-то холодно отреагировал. Сказал, что все очень непросто. Но я уже решил создать лучшую в мире команду.

Карлос Кастанеда писал: если решение принято, это важнее и цели, и результатов. Усилия стоят того, чтобы их совершить, даже если они не принесут ожидаемых побед.

Время ожидания стремительно испарилось.

Глава 5

Если в голове возникла удачная идея, если тебя заводит от мелодии, текста, фразы, которую сочинил, откладывать надолго, даже больше чем на день, этот вопрос никак нельзя. Ну а вдохновение приходит в тот момент, когда ты уже должен уйти куда-то. Или спешишь, или ты с кем-то, или кто-то отвлекает. Друг из Питера называет это армянским счастьем. Это проблема. Я стал опаздывать: стоило мне надеть туфли, я почему-то брал гитару и судорожно записывал на клочке бумаги аккорды и фразы, чтобы вечером вспомнить. Пытался я с этим бороться? Первые пять лет ожесточенно. Хоть пиши картину по аналогии с известной «Опять двойка» – «Опять вдохновение». Мама подозревала меня в паранойе: я постоянно ныл, разыскивая клочки бумажек, свои записки, наброски, странички, которые, как выяснялось несколько позже, выкидывались в процессе уборки мамой. Мои старые тетради с песнями и текстами... Если бы я знал, что с приходом телефона и компа все это незаметно будет исчезать, я бы в банковской ячейке их хранил. Так часто наши родители пытаются избавить нас от старого хлама, который, как выясняется позже, и есть самое дорогое в жизни. Ведь по ним – прочтенным книгам и журналам, записанным песням, написанным и иногда изданным статьям и книгам, выпущенным видео – меряется наша жизнь. И, конечно, по афишам.

В 1990-е афиши рисовались от руки на листьях ватмана, потом их стали печатать, потом пришли дизайнеры, и сначала они были культовы. Ночные озарения – и звонишь дизайнеру, думая, что его потрясет твой афишный креатив. А он и ни в каком не в восторге... Афиши лучше всех делают те, кто их обычно не делает. Закон такой. Афиши – твои соратники, доказательства состоятельности, предметы гордости, пыльные и истасканные, смотрят на тебя с квартирных стен с нежностью и шепчут: все еще впереди, не сдавайся, сделай еще шаг, не ленись, бро.

В середине 1990-х мне по основной деятельности (корпоративные финансы) приходилось много учиться, писать, выступать, защищать диссертацию и много всего. И во всем, что бы я ни пытался сделать, чувствовалось сопротивление внешней среды, ничто не доставалось легко. Когда в студенческие годы пришлось поработать пару лет продавцом шаурмы на рынке, мне вдруг стало понятно, что реальным тормозом почти всех наших проектов и стремлений является лень. То бишь мы сами... Если лень приходит в команду, переносятся репетиции, нет охоты записывать альбом в студии – пора распускать парней либо срочно менять на живых и бодрых перцев.

Найти базу для репетиций, с одной стороны, легко, но смысл – найти дом родной. Если аура на базе не та, неправильные люди там бывают, толку от такого места нет. Усталость в группе, пальцы не летают по грифу, в горле першит – этот стон у них репой зовется.

Тонкая грань на репетициях проходит в отношении гостей. Есть свои, и ты для рок-музыкантов становишься истинным другом, а значит, степень доверия и общения исключительно иная. Этот посыл приводит к тому, что в местах сбора музыкантов, в том числе на репетициях, собираются частенько друзья группы, подруги, знакомые, меломаны, сочувствующие тому, что вы играете. На самом деле им просто скучно и в гости не к кому пойти. Первый год это как братская квартира: единомышленники вместе, смех и пиво, объятья и поцелуи. Но когда группа разучивает песню, в самый интимный момент, когда твое творение, утром написанное, предстает перед музыкантами в форме робкого пения и неуверенной игры, некий знакомый, например, приятель сестры барабанщика, начинает ржать над каким-то физиологическим приколом, толерантность стремительно улетучивается. Типа, как будто «рок-н-ролл этой ночью, я думал, будет хорошо, а вышло не очень». У нас на репетициях людей чужих нет. Только ментально близкие. Молчаливые.

Ровесники мои резко тормозили и шутили не смешно, и в качестве добровольного временного проверенного подносчика пива и чипсов из ларьков через одного знакомого студента-медика я в последний год школьной жизни проводил много времени в общежитиях. Нужно было жить правильно. Это было по-мужски, интересно и таинственно. Заплеванные лестницы, похмельные студенты, задымленные и заваленные окурками комнаты манили своей брутальностью и хаосом. Студентки старших курсов, видя мои голодные и грустные глаза, подбадривали и намекали на что-то большее. У каждой женщины должна быть змея. Но узнав, что я школьник, перемигивались и вульгарно смеялись, сотрясая бюсты. Я чувствовал себя в самом центре ада, а значит, и рока. Я всеми правдами пытался казаться циничным и мрачным парнем, равнодушным к слову «любовь». Мои нереализованные романтические фантазии требовали крушения, да и стать хуже и порочнее было необходимо для меня. Глядя на опустившихся и бухающих студентов общаги, видя их примитивных подруг, я чувствовал себя цветком в пыли, алмазом в грязи. Лавры Дориана Грея не давали мне покоя. Носить разные маски в зависимости от того, кто передо мной, стало моей привычкой. Работая на этой фабрике безнравственности, прогибался и притворялся своим, чем заслужил право бывать на ночных пьянках. Мне нужна была правда жизни. Проблема заключалась в моей природной застенчивости, что, на мой взгляд, в целом отражение воспитания и утонченности натуры. Как я завидовал тем, кто мог запросто подойти к крутобедрой подружке и утащить ее к себе. А следующим днем я выслушивал рассказ, закусив губу, как она трепетала под его медицинским крупом. Обратной стороной этих переживаний было то, что мои новые приятели поставляли мне множество размышлений и образов. Книга жизни была приоткрыта для меня. Жизни самой вот только не было. Слушая орган Баха, я осознавал, что есть истинное искусство, красота и возвышенность. Но недолго был миг покачивания в мечтах и неге. Общага, как магнит, манила меня, быть на дне казалось мне верным и серьезным поступком.

Иногда в уездном городе я встречаю их, бывших моих героев общаги. Ностальгия проигрывает грусти при таких встречах...

В это время поиска и нравственного опустошения меня подхватили мои новые приятели – евреи. Как рассказать о них? Пожалуй, с анекдота вернее всего.

– Хаим, ты слышал новость?

– Ну?

– В зоопарке родился слонёнок!

– А как это отразится на евреях?

Когда пишешь о друзьях-евреях, хочется улыбаться – не пойму с чего, но как-то веселеет. Хохмы, приколы, розыгрыши – и почти всегда в тему. Мифы о жадности этих парней преувеличены в разы, но что меня всегда поражало – непоказное уважение к родителям и большое трудолюбие. Та самая этика, без которой нет рыночной экономики. Мой брат мне рассказывал (он учился в Германии 7 лет), что если с немцем договориться о любой работе, например, помывке сортира, он сделает ее хорошо. Всегда. Неважно, сколько денег платится. А еврей тоже делает хорошо, но с улыбкой и шуткой. А вот наш родной человек обязательно будет чем-то недоволен... И часто договор не дороже денег. И в то же время евреи блюдут свой интерес, но как-то ненавязчиво.

– Товарищ Рабинович, Вы любите Родину?

– Конечно, люблю! От всей души.

– А Вы готовы отдать за неё жизнь?

– То есть?

– Ну, умереть за неё Вы готовы?

– Вы меня, конечно, извините, но кто же тогда будет любить Родину?

Недавно ходил на Московский кинофестиваль. Смотрел короткометражные фильмы без звука режиссера Евгения Кондратьева. Просто абсурд, гротеск, быстро пенящиеся рисунки, по экрану ползают линии, нет звука, люди, все падают, умирают, убивают, душат друг друга, животные, дети, убыстренные многократно кадры, все черно-белое, драки, торты, ванны, костюмы. Как будто рассказы Хармса, но неоформленные и очень быстро читаемые – это мне напомнило те дни становления. Хаос, идеи, мечты, разговоры ни о чем, книги обо всем, новые аккорды на гитаре, печальные взгляды, суровые мысли, воображаемые ножи, эротические сплетни, рестораны на халяву, девочки-динамистки, дискотеки с ожиданием чего-то... Все смешалось. Было страшно и весело. Не было денег. И из этого всего стали вырастать песни. Мои песни. Мне нужен был кто-то, с кем бы я это играл и обсуждал.

Некоторые рифы группы *Metallica* мне очень напоминали скрипки. И я нашел еврейского скрипача. Он тоже жил в хаосе. Тогда я узнал, что есть город Брянск. Он приехал оттуда в наш город стать великим стоматологом. Но его невзлюбил Бельченко – фамилия преподавателя-фашиста. Он преподавал патфизику (патологическую физиологию) и ненавидел евреев. И другу-скрипачу пришлось уехать, но до того были еще три года, и за это время мы с ним много чего успели.

Кстати, очень интересно писать книгу в кинотеатре, когда смотришь кино без звука. Так комфортно давно не было. Экран как куратор, но очень демократичный и немой. Я обожаю кинотеатры. Все свои свободные деньги в школьные годы я тратил на кино. Я там ел и даже спал. В зрелые годы частенько ходил в кино поспать, в Москве днем некуда было приткнуться. Позже стало сложнее – храп пугал зрителей, и я перестал спать в кино, только если в зале никого. Что может сравниться с походом утром в кино? Только бутылка шампанского на голодный желудок в воскресенье в первой половине дня.

Гит как-то непостижимо договорился в своем серьезном медицинском вузе, что мы можем репетировать в подвале, который назвался ФОРП – факультет общественных профессий. Там была комната, волшебное место с колонками и барабанами. Дело осталось за малым – найти басиста и барабанщика. Я все больше времени стал проводить со стоматологами: Гит учился на него.

Но пока не было ритм-секции, мы с моим скрипачом придумали дуэт и назвали его «Антропос». Человек. Это он придумал. У нас с ним было одно важное общее место – несчастная любовь. И он неплохо играл на гитаре. Новый дуэт, конечно, стал выступать на еврейских вечеринках.

В смутном 1991 году в уездном городе стал работать еврейский культурный центр «Сохнут». Мы там играли иногда. Вспоминаю эти вечера с нежностью. Особенно когда вечером под самопальную дискотеку я пригласил на медленный танец девушку, которая мне давно нравилась. От нее пахло тортом, сигаретами и водкой. И какой-то ангел выключил в учебном классе свет. Было около 11 вечера, я позволил себе пару решительных действий в ее сторону и получил одобрение в форме моей ладони на ее груди. И в тот миг, когда я решил стать персонажем эротических боевиков Тинто Брасса, какой-то шутник-антиангел зажег свет. Нереальный облом. Скрипач тоже бился в постэротическом разочаровании. Лучше всего нас принимали на празднике Пурим. Самый веселый праздник иудеев. Мы стали как бы еврейским *home band*. Та девушка стала иногда видеться со мной, но она встречалась с постоянным парнем, а мне перепало внимание в дни их размолвок.

Остатки сладки. Эти дни были как награда за верность мечтам.

Я на юрфаке быстро осваивался и стал наводить мосты в профкоме универа. Это был способ попасть на выступления на «Студенческие весны». Редкой глубины там работают женщины. Утонуть можно. Это были просто фантастические дни. Апрель. До сессии месяц. И вкупе с весной это давало столько идей и желаний! Тогда уже я научился договариваться о наших концертах. Обычно использовались два приема: для девушек и женщин – грубая лесть

и подарки, для мужчин – уверения в том, что они – часть новых восходящих звезд, и легкая пьянка в развитие отношений с феерическими психоделическими тостами.

Мощное сексуальное потрясение случилось с дуэтом «Антропос» весной 1992 года. В Доме Союзов мы выступали в качестве музыкального номера на «Студенческой весне» химико-биологического факультета. Почему нас взяли играть на эту весну, мне до сих пор непонятно...

Когда в кино почешешь ухо, кажется, что все слышат, так, кажется, громко, так же как если в длинном соло неправильно сыграешь пару нот из ста, и думаешь: все заметили, но только ты это знаешь, и стоит заразиться на эту тему – не сможешь играть спокойно. Мой барабанщик из-за микроошибок на концертах хочет иногда уйти из музыки. Я его очень уважаю и жалею. Маниакально-депрессивный педантизм. Мать ети. Мой принцип: делай свое дело хорошо и не заморачивайся на чужое мнение. Ибо!

В универе есть тонкое различие девушек по факультетам, и критерием выступает их толерантность по отношению к мужским домогательствам. Вкратце градация такая:

Юрфак – скорее нет, чем да;

Филологи – тонкие развратные души, нужно попроще с ними;

РГФ (иностраннные языки) – типа элита, на самом деле без парней сходят с ума. Нужен алкоголь;

Экономистки – надо договариваться, но позитивные;

Педагоги – добрая душа, но могут привыкнуть;

Спортсмены – будь как они!

Историки – любят интеллект. И рестораны;

Химико-биологический – царство порока и похоти. Они ближе всего к мужчинам. Химия!

Вот на этом самом факультете мы играем. Дом Союзов. Огромная сцена. Полный зал. У нас в программе наш хит «Дорога в никуда». Длинная и сложная инструментальная тема, которую мы на двух акустиках играем в черных костюмах и с неподвижными эпическими лицами. Я соло, он ритм. Все темы минорные, отчуждение, непонимание – все в духе раннего треша 1980-х годов. Выходить нам в середине спектакля. Стоим в гримерке, ждем. Жарко. Никого не знаем, озираемся, выпили пива для храбрости на голодный желудок. Входят две девушки и, глядя на нас как на мебель, начинают переодеваться. Они были так хороши, что у нас и язык наружу, пульс на 180, пот по спине и стояк на 120 градусов. У меня тонкие брюки были тогда, как шелковые. Одна из них заметила мой немигающий сверлящий ее фигуру взгляд. Она мне мигнула, и я пропал. На два часа. Как мы играли – не помню. Моя страсть обрушилась на струны – нам хлопали. Денег мало с собой было, что я мог ей предложить кроме своей сутулой фигуры и песен? Я нашел ее через неделю, сбивчиво объяснил, что мне нужно. Она погрустнела и пошла ко мне в гости. Бабушкина квартира была почему-то свободна. Я напился. Она тоже. Над моими шутками она не смеялась, музыки не любила, английского не знала, меня не слышала на концертах. Она была как луна, а я как собака. Делать было нечего, она призналась, что я ей по душе, но она выходит замуж. Как же так? Зачем? Она невесело смеялась и дышала мне жарким дымом в лицо, я хотел провалиться в ее губы. Она оставила мне домашний телефон, по которому никто не отвечал почти полгода. Таня. Я разучил песню группы «Крематорий» с таким названием. Жаль, что она умерла. Скрипачу эта песня очень нравилась.

Мое упрямство иногда играло злые шутки со мной. Нежелание идти на компромисс часто ставило мои отношения с людьми на грань ультиматума. Но без этого так скучно. Но за один случай мне все же несколько стыдно, и, пожалуй, сейчас я бы отступил...

Когда на третьем курсе у Гита был самый сложный экзамен (патфиза), а у меня – выносящее мозг «Гражданское право», нам предложили выступить на выпускном в школе на окраине. Это было моей старой мечтой. Барабана не было – взяли пионерский. Лопнула струна – натянули, что нашли. Ништяк. Гиту родители запретили играть. Плюнули. За пять минут до концерта приехала мама Гита и потребовала ехать домой. Она стояла внизу на школьной лестнице, мы наверху. Она потребовала выбрать – Гит выбрал музыку. Меня. Она в слезах ушла. Я был горд. Мы славно оторвались. Но в ту ночь его мама не спала. Ни один концерт этого не стоит. Поклон нашим дорогим родителям за понимание.

А куда мы шли?

«Если вы уходите и вас никто не зовет обратно – значит, вы идете в верном направлении», – говорит Джим Керри.

Похоже, он прав. Никто не звал.

До отца дошли слухи, что я играю на улице и собираю деньги. Отчасти это было правдой, но деньги мы собирали на регистрацию Творческого Товарищества. Был разговор. Был запрет на занятие музыкой. Жесткий. Мама плакала. Братишка не очень понимал. Но сомнений не было.

Я обожал отца и часто подшучивал над ним, что не позволялось никому, но держать в руках гитару стало для меня абсолютной необходимостью. Ситуация была сложной: семья против, электрогитар нет, барабанщика нет, времени нет, да и средств, чтобы все это достать, не было вовсе. Гит погряз в медицинской изматывающей сессии. Папа перекрыл маленький денежный краник. Лето 1992 года не сулило ничего приятного. Трое студентов против всей машины провинциальной упорядоченной, регламентированной жизни. Музыка стала нашим духовным путем, и мы уже шли по нему. Призвание.

Глава 6

Мы на концертах никогда не играем на заказ. Табу. Но иногда могут попросить а-ля бандиты или просто друзья родственников, которым отказать неудобно. Я объявляю в этом случае, что песня стоит 500 тысяч рублей. И люди отказываются. Ни разу не заказали еще. Но и я не отказал. А вот если бы Роман Абрамович был на концерте, он бы точно не поскупился, и мы бы купили барабанщику новую машину. Было бы очень кстати ему. Он бы возил барабаны и детей в этой рок-машине. Почему он не приходит?

Зато часто приходит опустошение, когда в зале много мертвяков. Это такие люди, вроде и приличные, и даже не особо страшные, руки, ноги, дети даже есть, они отличат попсу от рока, скажут пару слов при случае, но их внутренняя жизнь кончилась, дух испарился, а физически они еще не умерли. Просто от них веет ужасом, пустотой, вялостью и безмерным скрываемым безразличием. Они доживают свою жизнь, играть для них – просто мучение для меня. Пытка. А их как-то все больше и больше. Как в сказке, я всегда борюсь с ними на всю катушку, стебусь, издеваюсь, пытаюсь их вывести из зала, но иногда не выходит... И если их на концерте больше 15—20%, бывает трудно справиться с их желанием жить за твой счет. Вечная борьба.

На первом курсе универа у меня появился товарищ, которого можно было бы назвать старшим другом. Добрый, сильный, большой, с явными криминальными ненавязчивыми наклонностями. Папа его цыган, мама с Кавказа, а он – смесь доброты и яростной агрессии. Нежный с друзьями и невыносимый, до тошноты, с врагами. Чистый Кавказ. Которого я давно не чувствую вокруг. Он меня как-то особо выделял, гордился мной, наши родители были знакомы, но это было совсем не главное. Все неформальные вопросы на факультете можно было решить через него, старшие курсы его побаивались. Когда мы были в колхозе, дружба наша окрепла в походах за девушками в соседние деревни. Он брал арбуз и бутылку, я гитару и улыбку, он стучал в дверь, пил водку с красотками с других факультетов, я играл Битлов на гитаре и произносил тосты-самопалы, он разбивал бутылку и ложился на осколки, я с гитарой вставал на него. Типа он как Куклачев, а я – поющая и говорящая кошка. Представление закончено. Завороженные его статью и мужественностью, они шли за нами. Некоторые мужчины обладают ярким и быстрым обаянием, ему трудно противиться, но им нужна красивая рамка, некая прелюдия перед тем, как оно начнет действовать, и в то же время нужен контраст, на фоне которого это обаяние будет усиливаться. Моя роль странного толкового контраст-парня при нем вызывала порой недоумение у его взрослых товарищей, но его привязанность ко мне переваливала их скептицизм. Благодаря его поддержке мне удавалось вести себя свободно и вызывающе. Он был моим тылом.

Он знал, что мне нужны деньги на электрогитары и барабаны, и мы поехали фарцовать в Польшу. Три 17-летних парня поехали на автобусе продавать дрели, фотоаппараты и сверла, чтобы купить там дефицитные шмотки и, продав их, заработать. Было весело. Я спас от самоубийства девушку во Львове, вытащил из окна общаги; нас с другом (другим) сильно избили в Польше; вещи мы не продали; водители-жулики хотели порезать нас на вокзале, так как мы не давали им обирать женщин из нашего автобуса; ко всему прочему я купил очень красивую майку для себя, а она оказалась женской. На плечики я почему-то не обратил внимания. Бизнес не задался. Поляки не особо приветливые ребята.

Но мы с ним не сдавались уже тогда. В июле 1992 года он предложил мне поработать на очистных сооружениях. Его мама устроила нас на эту высокооплачиваемую халтуру. Работа была простой: в 9 утра в яму с грязными рыжими камнями, кидаешь их лопатой в бадью, она поднимается, потом вниз – и так весь день. Перерыв – час. Оплата – около 250 долларов в месяц, по тем деньгам – реально много. Стипендия – 10 долларов. То есть в день – одна стипендия. Он много пил тогда, я с ним, но несколько меньше. С похмелья выходили в шахту,

через пот алкоголь выходил, от столовской еды начиналась изжога, но я точно понимал, что если не будет бас-гитары – группе не быть. Ну никак. Мы с ним сильно сошлись тогда. Он меня многому учил, объяснял, как деньги легкие делать, показывал, как обходиться с людьми, как нужно кадрить девушек. Мы ездили на странные встречи с грубыми людьми, которые постоянно грызли семечки и часто сидели на корточках. В общем, я на этих «стрелках» молчал и много думал.

В нашем уездном городе есть огромный универмаг, просто монументальный памятник архитектуры советского периода. В народе его зовут Бастилия. В эпоху перемен там образовалось огромное количество коммерческих магазинов, в которые ринулись наши люди. Какие там работали шикарные продавщицы в лосинах! Там-то и ждала меня моя первая бас-гитара. Немецкая. Черная. *Diamant*. С коротким грифом. Очень тяжелая. В тот очень важный день гитара ждала меня – я так боялся, что ее перекупят! Вспотел, пока покупал. Вау! Иметь басуху означало, что ты просто реальный музыкант. Все, что осталось, мы с моим другом жестоко пропили вечером в ресторане. Он сказал мне тогда: «Дурак ты, Карапет. Могли бы тачку купить слегка убитую, например японку с правым рулем, и могли бы с понтами в универ ездить. Эх ты, не врубаешься, что понты дороже денег. Наиграешься в свою музыку и забросишь». Мама и папа о бас-гитаре не спрашивали, так как я на ней, получается, не играл. Типа ее и не было. Звука ведь она не издавала. А я ее доставал вечерами и часами на ней беззвучно что-то наигрывал.

Мой друг-еврей стал частенько на нее заглядываться, а однажды попросил ее унести домой на пару недель. Крепя сердце я отдал ему ее, не подозревая, что он собирается ее освоить. Вот он взял, перечитал все что можно о басы, и освоил. Ну что вы скажете?

И все же водка туманит мозг. Если, когда ты набрался, нет милой девушки поблизости – нет программы разоружения, и начинается эскалация. Так и рок. Если его нет, внутри копится ужасная усталость, и она сильна.

Я вынужден был часто ездить на юг с мамой. Там родня. Армянская, формальные улыбки, странные подарки, водка по утрам и в обед. Ранний отбой под жгучий шашлык. Поиски сибирячек ночью под абрикосовым деревом, нарды и карты, прогулки в город. Как это обременительно и выносятся только в рамках недели или двух! Тут спасает либо выпивка, либо баня, либо отстраненная красавица. Ну, если гитары под рукой нет. Есть одна такая девушка, работает в банке, милая, в глазах огонь, в сердце вьюга, на губах улыбка, во взгляде шепот, в мыслях ужас сегодняшнего дня. Такие ничего не обещают и только улыбаться могут часами, но они снимают паранойю. Они как абсорбент: способны изъесть твою тоску, приземлить тебя, обмануть твою печаль и отправить тебя домой. Спать.

Когда слушаешь живьем крутую команду или в хорошем плеере, сердце рвется от радости от игры гитариста, нет сил ждать, когда увидишься со своей гитарой. Как декабристов ссылают в Сибирь, как футболистам запрещают пить воду во время матча, так и я ездил на юг, считая дни до встречи с музыкой. Русский юг. Поразительно антимзыкальное место. У нас во дворе жил цыганский табор, с ним я шатался по городу, пел американские баллады, добрые некрасивые цыганки щедро пытались вознаградить меня, но, увы, кавказское воспитание платило по всем счетам.

Моя гитара расстроилась в разлуке, и я долго ее настраивал. Гитары не особо любят одиночество. Это надо понимать, заводя гитару. Если ты забросил гитару – ты просто лох.

Друг-еврей неожиданно предложил разучить песню в электрике. Магия вошла в нас. Получилось. Гит как-то начал жить во мне со своими соло. Но без барабанов все было бессмысленно. Купить в 1992 году барабаны было под силу только банкиршам, но за нашу красоту и стать никто не готов был платить. Весь сентябрь я гадким образом думал, где взять миллион

рублей на барабаны и усилитель для колонок. Пиво и порно уже не отвлекали. Одна только девушка-художница, к отцу которой я ходил писать фирменные кассеты, загадочно улыбалась мне. Я пригласил ее в кино. Но все равно все было мерзко. И глупо. Без барабанов. Это стало моей манией. Барабанная установка. *Amati. Soner. Yamaha*. Потихоньку я начал фарцовать – перепродавал ваучеры, сникерсы и жвачки *Stimorol*. Денег хватало только на такси, рестораны, шоколад и цветы. И никакой красоты. Отец, видя мою печаль, догадался, что дело в деньгах. Тогда расцветала коммерция, но для людей поколения моего отца это было слегка постыдное и несовместимое с чем-то важным занятие. Отец более 15 лет руководил огромным областным объединением, тысячами людей, построил сотни объектов, оросил тысячи гектаров земли. Ну как он мог серьезно относиться к гитаристам? Помочь сыну купить инструменты? Вместо машины?

А как добыть барабаны, мне подсказал «Вестник Центрального банка». Надо взять деньги у других и отдать, но потом и, может, не деньгами. Как договоримся. Странное дело, но уже учась на втором курсе юридического факультета, я чувствовал, что стать юристом по уголовному праву мне не позволит этика, так как придется защищать упырей и мерзавцев, а стать юристом по гражданской специализации – стать господином-оформителем, то есть адской белкой в колесе. Квалификатором. Кодификатором. Канцелярской крысой. Я пытался. Очень. Не смог. Но я очень уважаю юристов, так как они, на мой взгляд, – обслуживающий персонал высшего уровня. А обслуживать надо уметь!

А вот экономисты и банкиры, сладкоголосые аферисты, мне сразу пришлись по душе. Как из рубля сделать три, продать воздух с важным видом, выдать костюм с запонками за нечто большее, чем шмотки, сказать слова типа «Маржа по облигациям превышает ожидаемый тренд» или «Ликвидность векселей этого эмитента сомнительна» и снискать славу умницы – мне это по-настоящему нравилось. Вместо Плевако и Столыпина читал Ли Якокку и Генри Форда, вместо правосознания и римского права пересчитывал котировки векселей и акций первого эшелона. Годы спустя, читая лекции по экономике для выпускников экономфакультетов, никак не мог найти в них огня интереса к аферам и высокоприбыльным проектам. Все-таки настоящие банкиры и инвестиционщики, как рок-н-рольщики, тащатся от своих соло!

Часто думая о банках, я обратил внимание, что в них нет ничего реального кроме чужих денег, красивой вывески и ожиданий будущих периодов. Брайан Эпштейн, менеджер Битлов, сделал четырех портовых парней звездами, в том числе из-за неистовой веры в них. Порой бывает, что товар просто отличный, группа звездная, но, чтобы попробовать это на вкус, нужно, чтобы некто заставил тебя это сделать. Сомнений в классности нашего безбарабанного трио не было ничуть. Руководитель факультета, очень мудрая и ироничная женщина, слушала меня и молчала, когда я ей обрисовывал будущее величие факультета, которое придет к нему после первого феерического мероприятия под моим руководством. Мое красноречие было остановлено вопросом:

– Ты уверен, что ты это сделаешь? Что тебе нужно для этого?

Ритмы харда забили в моей голове, солнце заблистало ярче, лед стал оранжевым.

– Нам не на чем репетировать! Нужны колонки и барабаны.

– Сделай дело. Привлеки студентов с факультета. Если нам понравится – решим. Но если нет, не взыщи. И не забывай учиться.

Не забывать учиться, улыбаться, работать, поздравлять, проставляться, дарить подарки, давать деньги на похороны и свадьбы меня всегда учили и учат мои родители и мои родственники. Вот я ничего и не забываю. Хотя давно бы пора.

Сроки, цели, механизмы были ясны. Машина моего творчества тронулась с места и поехала с шумом и скрежетом, не оглядываясь, назад, без больших сожалений и с большими ожиданиями.

В тот момент я впервые почувствовал то, что будет терзать меня потом всегда. Почувствовал себя директором. Человеком, который направляет других на достижение успеха. Успех для меня важен, как воздух, почти как музыка. Без него мне неинтересно. Просто неинтересно.

И еще. Иногда обижаю друзей. Нормальных ребят. Обычно когда выпью. Дурная привычка. Худшее, что может быть – когда под влиянием алкоголя тщеславие рвется наружу и реально убивает все, что было создано ранее. Совестно. Но мне кажется, что все те, кого случайно или намеренно обидел или разозлил, понимают, что это демоны одолевают меня. Брать пример надо с Гита, моего соратника, брата и учителя, он, как бы ему хреново не было, тупо будет улыбаться и терпеть, пока проблема не рассосется сама. Но кто сказал, что в группе должно быть два ангела?

Чтобы сделать дело – большое или огромное – нужно все время его делать, доделывать, переделывать, думать как лучше, считать риски, работать с командой, дружить с соперниками. И главное – все время читать. Книги. Это лучшее!!! Газеты по специальности. Журналы дадут аналитическое восприятие.

Настоящий директор – это параноик, все ему кажется и чудится, но только свои страхи он держит при себе, не транслирует по пьяни друзьям-корешкам. Он с ними один на один, он их умаливает и умасливает, дает им отдохнуть, а с утра снова с ними бьется, пока они не отступят, и победа, такая родная и несловоохотливая, снова придет к директору. И запоем душа, трепет вызовет румянец на щеке, и закроет директор свою записную книгу, сверит баланс, выплатит премию команде, купит себе новую машину, чтобы хоть как-то запомнить ее, родную победу №9, и зафиксировать результат. На этом проект будет завершен, и новые силы будут приходить к директору для новой темы, которая придет от акционера как создание, или от ошибки операционного менеджмента, который так одряхлел от ничегонеделания, что не замечает очевидных косяков. И включит тогда директор свой любимый альбом *Depeche Mode «Black Celebration»* (1986), набросает на компе план, разошлет его на утверждение в финансовую службу, получит срок решения у акционеров, и заскрипит директорское седло, разлетятся корпоративные вороны, взвоят юристы от необходимости проснуться, заверещат бухгалтеры, памятуя о непроведенных налоговых оптимизациях, побледнеют, и заголотит блок *sales*, впаривавший когда-то мимоходом на совещании о том, что конкуренты демпингуют на рынке и нужно больше скидку сделать (а это увеличение – их откат и новый джип, а что еще надо?), и только приемная хозяйина с всегда красивыми и ухоженными секретарями почувствует знакомое возбуждение от того, что директор взялся за дело, и лед тронется в сонном царстве Корпоративного Быта.

Но есть и другие директора: как правило, это либо друзья владельца, либо инженеры-исследователи, которые не построили свою ракету. Первые тупо проживают отпущенный старым другом период благоденствия, пока их не сменят либо не направят на уж совсем простую работу, вторые с упорством, достойным лучшего применения, обязательно «закопают» деньги, да еще и кредит возьмут, в какую-нибудь лабораторию или заводик с «лучшей» в мире технологией получения бензина из сена. А когда все грохнется, людей придется уволить, а контору закрыть либо за копейки продать, будут эти инженеры в окружении своих коллег, которые на этом активе погрели руки, выпив водки, орать, что России не нужны новые технологии, люди скоты, а власть прогнила. В этот момент хочется принести им зеркало и дать посмотреть на свое отражение. Эти герои вчерашних дней никак не могут смириться с тем, что у них не получается.

Но есть еще третий вид директоров. Редкий. В природе почти не встречается. Они способны создать идею, как пауки из своего тела вытягивают паутину и плетут сеть, ползая по ней. Все их идеи – это они сами. Из них самих. Это с одной стороны. С другой – они способны реализовать ее, несмотря на ее кажущуюся абсурдность и новизну, плохие отзывы с рынка, кривые лица коллег и неприятие большинством менеджмента компании.

Иногда в теории таких людей называют креативными директорами, но это скорее фантазеры. Управляющими директорами – но это скорее переговорщики. Я бы назвал их арт-директорами. Арт – суть творец. Директор – менеджер, настигающий успех, несмотря ни на что. Благодаря клубам и ресторанам арт-директором иногда называют мальчугана, который отбирает группы для концертов и корпоративных праздников. Но это скорее временное понятие, которое сгинет вместе с этими персонажами.

Я арт-директор. В 19 лет я понял это. И вот теперь мне надо было быстро сделать нечто, чтобы обеспечить будущую группу барабанами и всем необходимым.

Луна светила высоко, кусты засыпали, работали только таксисты и проститутки. И я не спал с ними долгими ночами, нащупывая будущие контуры своей первой арт-директорской темы. Утром декан ждал меня с планом моей первой официальной вечеринки на очень консервативном юридическом факультете.

Глава 7

Хуже нет, чем заниматься не своим делом. Особенно в России. Одно может спасти: если твой шеф – суперпрофи. Быстро думает, жестко отсекает врагов и глупости. Но главное в шефе – доброе сердце. Когда властный, влиятельный и часто богатый мужчина готов тебе показать и рассказать, как надо работать, добиваться успеха, но при этом ты не унижен и не находишься в роли просителя, не проводишь недели в ожидании чего-то. Я встретил таких людей в жизни. Исключение для меня всегда составляли женщины. Впервые в 20 лет я глубинно осознал, что я не могу с ними работать, вернее, работать у них в подчинении. Тут был просто внутренний конфликт. Я любил женщин и прощал всегда им по жизни многое, но в работе это сложно – она превращается в мужчину с 10 до 19 часов. А потом – снова в женщину. Это раз. Ну а второе – мне не приходилось встретить женщину, мудрость которой была бы неопровержима. Не повезло. За исключением одного раза. Наш декан вызывала у меня это чувство. Поразительное ощущение глубокой мудрости, иронии и доброго сердца. Ну и отличные менеджерские качества. Одна на сто тысяч.

«И ты должен понять, что задача не просто провести мероприятие. А раскрыть потенциал студентов юридического факультета в творческой самостоятельности. Если нам понравится – я имею в виду себя и заведующих кафедрами, – факультет позволит тебе приобрести аппаратуру. Справишься?» – это был первый менеджерский вопрос, который я получил. Их будет много потом, но первый всегда самый трепетный. Из рта донеслось что-то утвердительное. До события оставалось меньше месяца. Потом начиналась сессия с уходом в Новый год.

В моих проектах всегда первична цель. Она как маяк, призывно и холодно сияет вдали. Кругом бушует море: скептики, дружки-неудачники, взросляки-трупачи и остальные соглядатаи, которым, с одной стороны, нравится быть в теме, но в душе они жаждут твоего провала. В этот момент на их лицах отражается едва уловимое торжество – мол, будь как все.

Гит проснулся от этого проекта. Я тактично попросил его сыграть актерскую роль в новом шоу. Ведь по сути я пошел на авантюру – пообещал феерическое событие, не имея за душой ничего: группы нет, материала, разученного вместе, нет, актеров и аппаратуры нет, сценария написанного нет. Нет ничего, кроме идей и ежесекундного желания сделать это Круто. Не круто – нет смысла. Надо так круто делать, чтобы люди не отрывали глаз от тебя и не забывали потом команду многие годы. Это того стоит.

И стоит потратить еще много времени, чтобы найти товарища. По музыке. Это как клад искать. Вокруг столько людей, симпатичных, с гитарами, с мыслями, с разными феньками, но нужно найти одного того самого парня, который будет как жена: любить, терпеть, помогать и прощать. Гит стал моей женой на многие-многие годы. Наша с ним совместная жизнь была трудной, часто безрадостной, но безрассудная любовь к року помогала нам всегда. Мы, играя многие сотни раз на концертах вместе, учились принимать друг друга, чувствовать настроение в воздухе и, конечно, прощать друг друга. Лидер группы – вокалист – в классике всегда слегка психопат. Когда ты поешь на концерте со своей командой – это как пьяным ползти в гору: всегда хочется еще выше, кажется, что можешь летать, не контролируешь высоту, и только твой гитарист и барабанщик, когда ты падаешь, ловят тебя, втыкают в тебя еще пару батареек – и ты снова в норме. Такая вот тема. Такая братская истерика. Такая судьба.

В 1992 году на нашем факультете появилась девушка. Рыжие волосы. Зеленые глаза. Красные сочные губы. Длинные ноги. Она стояла у окна. Сияло солнце. В моей жизни наступило затмение. Она вошла в меня сразу и навсегда. Иногда смотришь на человека и понимаешь, что ты никогда его не забудешь. Я просто не успел ничего сделать. Затмение продолжится 15 лет. Без шансов на выход на свет, без единого дня без мыслей о ней, безоговорочное и все-

проникающее чувство зародилось во мне и, как антивирусная программа, за одну минуту просканировало меня и убило все чувства во мне, к кому они только были, оставив только ужасную и изматывающую любовь к ней. Я всегда любил русские народные сказки, меня вырастили русские соседи, ставшие моими близкими. Бабушка Лида часто пугала меня колдуньей, от которой не мог уйти Иван-царевич. Колдунью можно было только убить. В 14 лет я подписал на перекрестке контракт и отдал свою душу в обмен на судьбу гитариста. В 18 лет я отдал свое сердце на 15 лет колдунье, получив такое счастье, о котором не принято рассказывать словами. Только в 35 лет она перестанет мне сниться, какое-то время спустя я перестану искать ее глаза на улицах, разговаривать с ней про себя, сравнивать всех с ней. Мне часто кажется, что она родила меня тогда. Новый человек начал новую жизнь, глубоко погруженную в любовь и творчество.

У тебя две иконы, на которые ты молишься каждую минуту.

И все песни о ней, и радости с ней, и горе от нее, и все подарки ей, и деньги зарабатываешь для нее, и с утра просыпаешься с мыслью о ней.

Но самое странное, что при наличии таких побудительных сил во мне, каждую минуту требующих созидания, необходимо было учиться и познавать мир с юридической и даже где-то научной точки зрения.

Такое триединство. Русская тройка: любовь, творчество, работа. И ведь к каждому элементу из этой тройки ты должен относиться со всей душой, с полной отдачей и откровением, и только тогда они заживут вместе, запоют на все голоса в душе, и не будет тоска грызть сердце, и улыбка хоть иногда будет блуждать по лицу. И только тогда что-то получится. Но каждый из этой тройки борется за твое внимание. Хочет получить как можно больше внимания, времени. Есть свои фавориты, есть свои лузеры, но ты как тренер должен для каждого найти время, защитить от внутренней тоски, и когда наступит время охлаждения и уйдет любовь, ты должен подготовить тех людей, которые любят тебя, музыкантов, которые играют с тобой, людей, которые работают с тобой – к расставанию. И это самое мучительное и самое болезненное. Нереальная трагедия, когда отрываешь от себя то, что уже приросло к твоей коже, стало частью твоей дыхательной системы, твоими сосудами и глазами. Но без этого нет нового. А когда нет новых идей и вдохновения в жизни, когда нет нового возбуждения, нового чувства – тоска заходит в твою комнату, закрывает дверь, зашторивает окна и начинает душить тебя безжалостно и беззвучно. И каждый раз надо начинать с самого начала. Может быть, поэтому так притягательна была для Джима Моррисона бутылка виски? Алкоголь уносит эту тоску. Когда уходит любовь. Если бы можно было устроить так, чтобы и вдохновение, и любовь жили вместе и не уходили! Может, в 24 веке так и случится.

Мне всегда везло. Рядом почему-то оказывались люди, которые меня выручали. Мой лучший друг возник на горизонте, когда я не мог справиться с предметом «Логика». Скромный, умный, саркастичный, интеллектуал в высшей степени, сын потомственных врачей и педагогов, внешне очень похожий на чеченца, слегка кривоногий, крепкий и жилистый, он был так глубоко отзывчив и несчастен, что это просто поразило меня. Сказать, что он мрачен – просто промолчать. Но мы подружились так сильно, что трудно сказать, что разлучит нас теперь. Мы вместе потеряли деньги в 1998 году, у нас были серьезные личные разногласия, были пьяные драки, было все, кроме предательства. Оба мы любим слушать песню группы «Пилот» «Братишка». Так я его и зову много лет. Братишка помог мне написать сценарий, он же сыграл роль в спектакле, который мы называли «Пауки-убийцы». Бред какой-то, а не название. Просто я был фаном видеофильмов, которые переводил гнусавым голосом переводчик Володарский. Я научился его пародировать и ради прикола придумал нелепое название. Оно бессмысленно. Все шоу, которое в 1992 году потрясло тихий корпус университета, было построено на исполь-

зовании трех элементов: живой музыки, приколов над рекламой, эротизма и драйва непрофессиональных актеров-студентов. Репетиции шли по ночам, это была первая проба пера в качестве режиссера. Братишка помогал. Между нами, однокурсниками, прошла волна дружбы. Истинное желание сделать что-то вместе выразилось в том, что мы сделали тогда нечто напоминавшее *Comedy Club*. Моя колдунья была частью нашего шоу. Если бы ее не было рядом, я бы везде искал ее, психовал бы и ничего бы не вышло, поэтому я придумал ей роль. У нас не было кулис – и мы просто стали выключать свет между сценами. Не было раздевалок – и мы просто переодевались быстро в темноте. Не было барабанов и барабанщика – и я просто занял денег, арендовал барабаны и убедил очень классного парня, Дмитрия, постучать. Феномен в том, что он стал потом прокурором, серьезным руководителем, мы часто видимся, и я всегда говорю, что он первый барабанщик группы *The Mood*. С тех пор как я встретил свою настоящую любовь, мое настроение стало жить вместо меня. Оно менялось десять раз на дню. Я не мог назвать группу иначе.

Гит играл ключевую эротическую роль, звезда с факультета РГФ обнимала его прямо на виду у всего руководящего состава факультета. Гит был влюблен, они целовались по-настоящему. Все было по-настоящему. В рамках озвучивания и врубания визуальных сильных образов песни «*Больно мне, больно*» надо было бить парня, чтобы ему стало больно. Типа эффект. Но тот, кто бил – бил уже тоже по-настоящему. И больно было по-настоящему. И восемь парт было выкинуто в ту ночь возбужденными студентами по-настоящему, и все стекла были выбиты тоже не понарошку. Братишка был так пьян, что его несли на руках домой. На такси денег не было. Мы с моей любимой не могли наобщаться, так как в комнату, где мы были, врывались возбужденные пары, и я просил не делать этого в корпусе. Это было помешательство. Музыка, смех, поцелуи, секс и радость захлестнули факультет. Демоны вырвались наружу, эндорфины заполнили рекреации, улыбки и крики стали друзьями. Мой старший друг и друг по поездке в Польшу стали мне еще ближе. Впереди нас ждало такое классное будущее. Я расстройлся – стал директором пати, музыкантом и режиссером. Я был счастлив.

Я стал арт-директором.

Утром мама позвала меня к телефону. Меня просили срочно приехать в деканат. Декан был краток: «Тебе надо написать объяснительную. Декан экономического факультета, где проходила пати, просил тебя отчислить. Сломано десять парт, разбиты стекла, унитазы. Ты все уберешь. И никогда больше не будешь выступать в этом корпусе». Шум стоял в моей похмельной голове, кулаки разжались. «Но мне понравилось. Очень понравилось. Собери все осколки. Убери днем мусор на этажах и поезжай в центральный корпус в бухгалтерию. Получи миллион рублей и купи аппаратуру и барабаны. Факультет в восторге. Готовь «Студенческую весну».

Глава 8

Есть мнение у людей околмузыкальных, что парни начинают играть в рок-группе, чтобы понравиться девочкам. Это так и не так. Одурманенный постерами и видеоклипами с роскошными тачками и иными аксессуарами шикарной жизни, щуплый и талантливый юноша со слегка проступающей щетинкой берется за гитару – и о чудо! Его все хотят, причем не отрывая глаз от его *Fender Stratocaster/Limited Edition*. Иногда приходят мысли: а что если музыкой начинает заниматься человек, которого и так хотят?

Парадокс подобных мыслей в том, что внимание мужчин и успех у женщин, которые может принести музыка, во-первых, по странному стечению обстоятельств всегда приходят, когда тебе это уже не так Важно, как когда-то, а во-вторых, для пользования плодами взращиваемого успеха уже нет времени. Как хозяйка твоего времени, музыка уверенно требует своего, и все потуги выскочить из ее страстных объятий оборачиваются лишь депрессией и тоской. Считается неприличным в рок-среде уделять много времени увеселительным мероприятиям с дамами, в то время как алкоголь или посиделки с друзьями приветствуются. Женщины чувствуют это, оттого их матери и предупреждают своих красавиц быть аккуратнее с этими музыкантами. А может дело в том, что для современной женщины, не обремененной серьезной интеллектуальной и художественной нагрузкой, свойственно употреблять в подавляющем числе случаев глагол «дай»?

Время, рассказы, знакомства, рестораны, подарки, принадлежность к новому кругу общения и далее по списку. Предсказуемо, что будет сказано и выпито, сделано и съедено. Три часа – оптимальный срок для этого успешного общения. Есть 1—2% преданных року девочек, которые такие же, как ты, чокнутые, и им все равно, какой ты и какие у тебя перспективы, но в силу своей искренности и внутренней свободы они стеснительны и не так эффективны, как вышеописанные реципиенты музыкантского успеха. Но уж если с такой познакомился – дорожи этим человеком, потому что они твои друзья до момента, пока не выйдут замуж. Ну а там бытовуха перемелет их в своей стирающей личность машине, грузнеющий понятный муж присосется к чистой энергии, и дети посадят мать на жесткие воспоминания о бурном прошлом. В этих женщинах так много жизни, что у некоторых в глазах остаются искорки, но в дело вступает Время, которое, как известно, весьма беспощадно к женщинам. Нам в группе везло на таких: часто приходила подобная девушка и дарила нам в разных формах свои заботу и нежное внимание. Про таких я бы сказал: они святые. Пусть поберегут себя подольше от объятий нормальной жизни. Самое парадоксальное, что у них, как правило, совсем мало денег, но они все выгребут тебе на пиво или бургер, а ночью до дома пешком пойдут. Питерская школа – наша гордость. Я иногда вижу таких женщин в метро. От них исходит живая волна. Они слушают плеер. Порой думается, что жить в Москве и ездить в метро для музыканта – как будто каждый день бывать на конкурсе красоты: стоишь в начале вагона и смотришь на наших женщин. Красота повсюду. В одном вагоне и утонченность, и вульгарность, и восток, и южная стать. Как повезло родиться и жить в России! Выходишь из вагона одухотворенный и заряженный. Только вагоны дают такое ощущение. Спросите у брата. Он шесть лет учился в Германии.

Наш первый барабанщик был человеком режимным. В СССР он был бы уверенным директором завода, в Германии – директором большого автозаправочного комплекса, а в уездном городе стал еврейским студентом. Стоматологом. Как ни крути, но стоматологи – моя судьба.

Гит – ортопед. Еврейский басист – ученый-стоматолог. Первый барабанщик – директор стоматологических клиник в Израиле. И все они – звезды в своем кругу. Умные, четкие, жест-

кие и очень ироничные. Дмитро, наш барабанщик, был и есть как скала. Если с ним договоришься – тебе повезло. Он, как Сбербанк, как нефть на Каспийском море, как кенийский кофе, – надежный, не падает в цене и бодрит. Отчасти потому, что он вырос в Западной Украине под присмотром авторитарного отца и стал, как батя, отчасти оттого, что правильно женился на медсестре, став главврачом в семье, отчасти из-за язвы, которая заставляла его есть строго по часам. Жажда богатства толкнула его в общение с людьми, склонными к нелегальному бизнесу, но это не испортило его. Но! Не был бы он евреем, если бы за его слегка угрожающей внешностью не скрывался-таки веселый и авантюрный человек. Спортивный по сути, он объединил нас своим с виду простоватым обаянием, за которым скрывались его мужская мудрость и великодушие. Относясь к нам как младшим по жизни, он в то же время проявлял большой интерес к музыке и к нашим размышлениям. Его пытливый ум заменял ему отсутствие утонченности, которой с лихвой было у нас с Гитом, его дисциплина и порядок во всем обуздывали мои деструктивные наклонности и кавказское высокомерие. Моя наглость вкупе с его тяжестью сделали достижимыми результаты, недоступные тогда многим. В 1994 году мы, как звезды универа, играли концерт в Доме Союзов. Большой зал, огромная сцена и всесильный радист, хозяин аппарата. Тощий, страшный, сутулый очкарик заявил, что аппарат он специально ставить для нас не будет. Ибо! Мои вежливые манеры, задушевные интонации не тронули его проволочное сердце. Есть такая тема у меня: если человек не понимает по-хорошему, боясь потерять время, так как концерт нельзя отменить, я, минуя стадию переговоров, пытаюсь решить вопрос по-плохому. Если не выйдет – надо избавиться от источника проблем: заменить либо зал, либо организатора, либо человека, либо (в крайнем случае) решить вопрос за деньги.

Если же и так не получается – не занимайся этим делом.

Глядя на радиста, мы с Дмитро поняли, что его мелкая душа скупает по настоящим чувствам. Стало очевидно, что его плечи, руки и щеки давно не чувствовали крепких и быстрых мужских прикосновений, на его абсурдном и рутинном радистском пути больше пары лет не возникали непреодолимые препятствия. Он был нелюбим и неудачен и мстил всем за свое одиночество. Мы подарили ему с Дмитро радость новых и быстрых чувств. Кровь прилила в местах наших прикосновений к его белой нежной коже, тоска оставила его, страх же пришел в его сердце, и он стал человеком. Аппарат был установлен быстро и качественно. Дмитро, как *caporegime*, был немногословен.

В этом же году мы записали первый магнитоальбом. Первый альбом – это как первое понимание вечной жизни твоей души. Пройдут века, а альбом останется. Он – твоё отопление, твоё отражение, твоя связь с вечностью. Как мы были счастливы! Просто и каждую минуту.

Кастанеда пишет, что Воин пробует все на вкус, но ни к чему не привязывается. Эта мысль применима к современным слушателям – чаще всего можно услышать в ответ на вопрос о их любимой музыке, что опрашиваемый любит разную, то бишь любую музыку. Но как заставить его послушать нашу легендарную группу, думал я. Ответ пришел просто. Читая унылую и скучную университетскую газету «*Alma Mater*», я представил, что вместо этого читают студенты могли бы зачесть веселую газету о нашей группе, которая была бы одновременно и Афишей! Чудесная догадка потрясла меня. Конечно – что может быть лучше интересной газетой-афишей? Да просто ничего. В Универе.

Ведь надо понимать, что наши вузы давно прогнили от фальши и абсолютной скуки пребывания в них. Преподы доживают свои дни там, проклиная судьбу, а студенты никак не могут врубить, зачем им слушать этих неудачников. Но и тем, и другим интересно почувствовать вкус жизни в месте, где давно нет студенческого задора, горящих глаз, искреннего смеха равных и высокоинтеллектуальных людей. Для парней учиться в таком месте – как типа в армии проходить курс молодого бойца, только вместо зарядки – водка, вместо учений – общаги. Девушкам и того хуже: найти себе в провинциальном месте спутника жизни крайне сложно. И все грустно

и предсказуемо. И в этом летаргическом царстве безнадежных ожиданий и деньсурковых разговоров появляется свежая веселая газета, где говорится живым понятным языком, что есть классная веселая группа, и она повеселит учащихся не просто концертом, а шоу. Людям нужно шоу. Веселье. Брызги шампанского, тайна за семью печатями, шутки от души, а не механические фразы: «Наша следующая песня называется...» Да какая им в зале разница, как называется песня? Зачем им это знать? Сделай так, чтобы они орал и прыгали или неотрывно смотрели на тебя, сохраняя в себе твою энергию неделями.

Журналист, пьющий и добрый, обшарпанный и заброшенный, согласился помочь сделать специально выпуск газеты под команду. Я ходил к нему в общагу, приносил пиво, сам написал все материалы, подготовил все фото, и тогда пришло первое правило Арт-директора: все придумай и сделай сам, но если владелец ресурса или зала проявит инициативу – поддержи ее, разукрась ее в свои краски, сделай этого человека героем, оберни его идеи в свои и помести его логотип где нужно, вознеси его. Ибо для него это – возможно единственный шанс проявиться как личность, а от тебя не убудет. Журналист, с которым я делал все это, был сообразителен, но, как многие люди этой профессии, вял, неамбициозен и поверхностен. Эта жуткая черта российских журналистов – не понимать глубоко предмет своих сочинений – всегда ставила и ставит меня в тупик. Глубинный смысл такого отношения к профессии: лохи все сожрут, даже полный бред. Видно это из послевоенных лет, когда умеющий грамотно писать и публиковаться был априори звездой. Увы, в нашей журналистике такая же черная дыра, как и в инженерной мысли. Штампы и банальности загородили небо. А в начале 1990-х было ожидание, что наши журналисты пробьют царство лжи и застоя.

Мой журналист почему-то отличался уже тогда деловыми качествами и пробил тысячный тираж. Газета распространяется на факультетах через агентов. Я вербовал людей на факультетах. Отбирал по глазам и тщеславию. В первом случае – это настоящие помощники, любящие рок, во-втором – временщики, пользующиеся твоим успехом. И пусть будет так. Все разные. Декан был впечатлен моим размахом, ведь везде писалось, что мы группа с юридического факультета, хотя в ней играли три стоматолога из четырех участников. Мы становились модными. Журналист познакомил меня с радиостанциями. Радиийщики тогда были небожителями и приняли меня вначале не особо. Но водка и подарки делали свое дело. Я всегда любил девочек с радио. Они были как конфеты с ликером – красиво завернутые и очень манящие. Их губы прикасались к микрофонам, как и мои, их хотелось целовать, эти наговаривавшие за деньги рекламу губы. Эти незамысловатые девушки вначале казались такими прелестными. Их сленг манил. Я был впечатлен сотрудниками электронных СМИ. Втайне я стал журналистом. Дюруа, герой моего любимейшего романа Мопассана «Милый друг», вселялся в меня в моменты общения с радиолюдьми. Но на них мое обаяние действовало втрое меньше обычного – они видели во мне просителя. У нас в России просителей не жалуют. Однако в этой истории с просьбами, классическими глубокими вздохами и цитатой «не жди, не бойся, не проси – сами дадут» есть один нюанс. В России настолько своеобразно понимают помощь. Например, ты идешь по улице и некто плачет горько на скамейке, ты подходишь и пытаешься помочь, но плачущий неожиданно бьет тебя. Ты помешал ему переживать, не вовремя подошел, или он был пьян и агрессия пробудилась. А когда муж избивает жену, ты, пытаясь обуздать колотящего, сам становишься колотимым. Женой. Он любит ее, вот и обижает.

Так что просить надо. Обязательно надо. И дадут просящим.

А еще всем скучно. Детям, студентам, официантам, директорам ресторанов, военным, бедным, богатым. Всем. И если твой концерт ассоциируется не просто с музыкой, а с чем-то новым, интересным – это то, что нужно. И это совсем не должно быть веселым. Рецепт

хорошего концерта: мрачное настроение – 30%, провокации – 30%, издевательские шутки – 30%, приличная группа гормональной поддержки в зале – 10%. И вместе все это работает.

На наш концерт в областной Дом офицеров пришло более 400 человек, и они купили билеты. Газета делала свое дело, агенты ковали нашу репутацию, я приглашал всех подряд. Мы собрали 1,7 миллиона неденоминированных рублей, за вычетом всех расходов наша прибыль составила около полумиллиона неденоминированных рублей. Фантастический успех неизвестной группы. Мне удалось подружиться с руководством ДОФа. На многие годы шеф этого заведения стал моим старшим советчиком. Бывает так, что руководитель чего-то большого, особенно военный, не имеющий сына, чутко отзывается на уважительное и внимательное отношение. Врожденное чувство уважения к старшим делало для меня общение со старшими товарищами естественным. Отчасти это было вызвано тем, что отец брал меня всегда с собой на встречи с друзьями, с которыми мне приходилось быть всегда в форме. Папа никогда не пренебрегал моими вопросами, терпеливо разъясняя, кто есть кто, кто с кем и так далее. С детства по речи собеседника мне приходилось определять его статус и предпочтения. Возможно, в этом коренится преемственность поколений. Друзья родителей становятся твоими друзьями, твои друзья становятся друзьями для младших. Так было с моим братом. Он был со мной, рос с моими друзьями, вырослел с более взрослыми.

К тому времени музыкальная школа окончательно доконала брата. Несмотря на относительно неплохого преподавателя, ужасная модель российского музыкального образования, как трясина, засасывала всех, рождая непреодолимое отвращение к музыке. На вырученные деньги я купил для брата клавиши *Casio*. Примитивные и совершенно непригодные к записи в студии. Это был первый шаг к выходу из ямы, где он гнил все эти годы. Он изучил аккорды пары песен, и мы представили его как нашего нового участника. Ему 14 лет, и на него смотрят 400 глаз из зала. Эмоции. А для юноши, думается, это ох как важно. И во время одной из вещей, где брат только брал аккорды, я в тишине произнес два слова, которые перевернут его отношение к музыке: «Клавиши, соло!» Это был трюк. Глаза моего брата отражали ужас, но группа уже играла квадрат, спрятаться было невозможно. Либо играй, либо умирай, либо убегай со сцены. Мои парни знали за мной такую черту – никто в группе не знает, что у меня на уме. Я могу остановить композицию, изменить аккорды, ритм. Это делает жизнь команды непредсказуемой, вселяет в нее драйв, интригу. Но даже они вздрогнули, когда я оставил новичка на его первом концерте без подготовки один на один с залом. Жестокий подход. Флюиды ненависти от Ара настигли меня, но до меня донеслись звуки органной импровизации. Колокол пробил, пушка выстрелила, музыка вселилась в нового музыканта на многие годы, разрушив монополию безумных преподав-мутантов, почти на 100% отбивавших с получением музыкального диплома у детей любое желание играть и выступать. Еврейско-армянский братский ансамбль замкнулся, отразив в себе в 1994 году непостижимый коммерческий успех студентов вкупе с приличным музыкальным материалом. В том же году мы заняли второе место на областном конкурсе «Кто круче», пропустив вперед коллектив, в котором играл сын губернатора. Местное жюри пожурilo Гита за то, что, закинув гитару за голову, играл на ней. «К чему эти цирковые трюки, не надо позерства», – пробормотал уважаемый уездный судья. Таковы они, наши конкурсы. Лучший тот, кто ближе и понятней. Гит робко возразил, что это манера игры *Jimmy Hendrix*. Но остался без ответа. На лицах судей отражалось желание побыстрее свернуть обсуждение и побыстрее бухнуть в комнатах. Деятели культуры крайне утомляются от мыслительных процессов, и водка, как энергетик, возвращает к жизни их попорченные временем и праздностью лица. В такие-то минуты и надо оказаться рядом, подмахнуть дипломчик – и дело в шляпе. Но бессмысленность этого мероприятия переваливала любые настроения. Для директора группы такое поведение не особо правильно, но слабости есть у всех.

Целыми днями я ломал голову, как нам вырваться на новые просторы. Ничто не предвещало беды. Все было отлично, но вот в личном. Был привет. Но репетиции и концерты держали всех нас в суперформе. Беда прикатила, откуда совсем не ждали. В общем, так и бывает.

Глава 9

Без возбуждения перед концертом трудно. А с возбуждением крайне трудно работать. Сложно заниматься чем-то вообще, если по мере наступления даты концерта нарастает радостное напряжение. И вот говорит с тобой начальник, а ты смотришь на него и киваешь, даже записываешь в блокнот слова. Какие-то. Бессмысленные. Например, «согласовать с бухгалтерией форму справки» или «уточнить сумму задолженности на конец квартала». Квартала. Впитала. Опахало. Махала. «*Макала*» – кстати это отличный альбом группы *Clannad*. Очень красивый. Особенно песня «*In a lifetime*». Супертема. Пронизывает переплетение голосов, как будто занимаешься любовью с тем, кто близок. Как будто... «...записал? И не забудь поставить в шапке письма там их юридический адрес. Срок – 28 июля», – это мой шеф говорит. Я работаю в банке юристом уже 2 месяца. Уездный двухэтажный милый банк. Запах денег, белые блузки операционисток, серые костюмы валютчиков, вставные зубы безопасников, поджатые губы кредитчиков. Рай для мертвяков.

Только в одном месте всегда весело в банке. Там, где трейдеры. Они веселятся, продают и покупают, смотрят на котировки, пьют кофе, ругаются матом, в обед втихаря бухают, потому что торговая сессия уже кончилась, и, пока бэк-офис будет оформлять проведенные сделки, можно пару часов побыть подшофе. Еще трейдеры любят потравить бизнес-анекдоты.

Типа: трейдер ждет лифт на бирже, наконец-то приходит, а там куча аналитиков. И он их спрашивает: «Без всяких если: вверх или вниз?» Е!

Я с ними на одной волне. Ведь в душе я трейдер, но лучше. Они зарабатывают деньги для банка, а я на концертах зарабатываю для слушателей несколько часов радости. Сколько это стоит? Три часа настоящей радости? 200\$? 10 тысяч рублей? 100 тысяч евро? В зависимости от возраста и настроения, но если в зале 100 человек и у каждого чек на 1000\$, вот тебе и финансовый результат. Я рассказывал трейдерам про свою группу, они делали вид, что им интересно. Но всегда есть в коллективе один парень, которому и вправду это важно. Это тот самый, который сам хотел играть, но стал клерком. И проклинает каждый день свой. Но со временем смиряется. На 3—4 году. Рождается ребенок, уносит печаль, жертва была принесена не зря. Ребенка обязательно в музыкальную школу, ну и, конечно, танцы и гармоничное развитие. «Он не должен повторить мою судьбу», – думает отец и наливает еще одну рюмку. А рядом хор родственников жены и троюродный брат из Рязани, который на практике в банке и завсегда согласен поддержать странноватого родственника. В глазах у такого парня всегда облако, и когда он видит меня, оно рассеивается и начинается общение. Радостное. Когда я уволюсь, мы еще по инерции будем видеться, но недолго. Ему ведь тяжело после моих концертов или разговоров возвращаться в финсклеп. Я люблю банкиров. Они тонкие нервные посредники, романтики цифр, игроки в термины. В 90-е они были кем-то. Меня к ним тянуло. Ну и, конечно, гормональный фон в операционном зале после 16 часов всегда на уровне. От девушек веет скрытой, но очевидной эротичностью, а если еще третья пуговица сверху неожиданно расстегнута, и с трудом нити рубашки сдерживают тяжелую и теплую энергию сотрудницы, вожеление настагает юного юрисконсульта, и заключение о рисках по кредиту в большую радость пишется. Банки были для меня чем-то важным и чистым. Как Элвис. Девочки всегда самые красивые и воспитанные работали там. Раньше. Давно. Очень давно. В XX веке.

Я много слышал, что евреев не особо любят. Но искренне считал, что это ерунда. «Меня отчислят. Бельченко завалит меня на патфизе. Точно завалит!» – наш басист уверенно твердил это, сверкая очками. Его бабушка подносила пирожки, охая и ахая. Гит говорил, что один препод в их медицинской школе глубоко ненавидит иудеев. Я не особо напрягался: басист был умницей, прирожденным врачом. Вдумчивым и прилежным. Впереди был День города.

Мы на нем выступали, команда приобрела статус недостижимой по гитарной технике. Были вопросы с моим вокалом, Гит ворчал, что я кричу. А как же мне не кричать, когда я не слышу себя? Вечная борьба голоса и ритм-секции.

Его отчислили. Он уезжал в Брянск. С пониманием будущей эмиграции. Я слышал, что этого препода много раз хотели убить. Да не сложилось.

Потеря музыканта, который с тобой играет, – трагедия. Мы много пережили. Как братья. Он научил меня играть перебором и – во многом – петь. Всегда поддерживал. Я всегда из последних сил его поднимал, кормил армянской едой у нас, даже научился говорить с еврейским акцентом. Но этот мерзкий препода надломил его. И увел из музыки. Мы с Гитом и Дмитро были на депрессняке. Хотя нашего басера все больше тянуло в легкую музыку, а нас в рок. Черный тяжёлый *Diamant* сиротливо стоял в углу и ждал своего нового хозяина.

Я, скрипя зубами, начал искать нового человека. Найти его в группу так же сложно, как найти в огромном магазине, где тысячи костюмов разных цветов и фасонов, именно твой. Но я хотел, чтобы новый участник группы был эффектным. Я невысок, мрачноват, грузноват и полностью растворен в музыке. Гит – повыше, поутонченней, но тоже весь в гитаре. Барабанщик не в счет. Я собирал слухи, кто в Универе самый яркий и симпатичный парень. Только самого лучшего хотел я в команду. И всегда хочу. От лучших веет сказкой, мечтой, чем-то крайне важным для меня. Лучшие не боятся рисковать: не боятся ошибиться и упасть. А с такими перцами всегда радостно. И еще к лучшим всегда тянутся и сам тянешься. А кто тянется – тот растет. Перед талантливым человеком я всегда готов преклониться, поцеловать руку великому гитаристу – большая честь. Поговорить с истинным певцом – счастье. И у Гита тоже такой пиетет.

Если армянин женится на русской девушке – дети на удивление красивые. Высокие. Статные. Полукровки всегда интересны. Ходили про одного такого слухи. И вот я его увидел.

И тут же меня пронзило – то, что надо. На него приятно было смотреть... Обаяние, все к нему тянулись, девушки – просто как к магниту. Но в глазах его я прочел грусть и неуверенность. Значит, ему одиноко, и женская популярность его не спасает, как и культовый статус лучшего актера студвесен. Дальше – дело техники. Но важнее важно понять: будем ли мы близки? Если нет искры – не играй с таким человеком. Как бы ни хотелось. Из последних сил не пускай его в команду. Любимчик Универа, актер, армянин-полукровка, носивший дреды, – он идеально вписался в группу. Гит его обожал, Дмитро не обижал. Он жил в общежитии. Много пил. Мало ел. Но ему больше нравилось быть на сцене, чем играть. И самое тревожное, что было в нем, – русская тоска по сильному женскому плечу. Воспитанный матерью, он искал, как многие, в женщине триединство: мать детей, друг, любовница. Мне почему-то грустно о нем думать. Самые большие несбывшиеся ожидания, самая большая нереализованность, загубленный талант. Подкаблучник во плоти. Это все о нем. Мы были вместе два года. Прекрасные времена, но его подруга поставила вопрос ребром: или я – или он. Узкие губы на вытянутом лице, боязливые глаза с ненавистью посверкивали, и уже пятую минуту я выслушивал рассказ несчастной нелюбимой бабы о том, что из-за меня он не может нормально жить, работать, и, в конце концов, у них ребенок (от ее первого брака) и они хотят жить нормальной жизнью, и вся наша музыка никуда не приведет. Унылая тетка не трогала меня, я смотрел на него, но он вздыхал и молчал. Что-то гнилое всегда было в нем: то ли зависть, то ли слабость, то ли трусость. Но стиральные машины, которые сиротливо ждали его, были милей его сердцу. «Сдай бас-гитару и живи как хочешь». Что я мог поделать? Гит сдавал ГОСы. Дмитро тоже.

Моя любовь ушла. От меня.

В прокуратуру сельского района, где я хотел укрыться от себя и тоски, меня не взяли по национальному признаку, предложив послужить в Карабахе. Банк все больше бесил. Водка помогала ненадолго. Старший друг оказался в тюрьме. Я нашел нового старшего товарища. Циника. Он предложил мне поехать в Москву. Он тогда уже был на коне. И ему было скучно. Гиту было некогда, ему нужно было не угодить в армию. Дмитро был озадачен тем же. Мрак поселился в моей душе. Я бухал и целовал чужие губы в надежде найти хоть что-то. *But it ain't nothing to me.*

Я не мог даже собраться, чтобы написать дипломную работу. Просто не понимал – зачем. Да и с армией действительно надо было что-то делать. Шла война в Чечне. Быть юристом не хотел, кем быть – не понимал, музыкантом хотел, но не в кабаке. Меня все больше тянуло в экономику. Покончить с собой я уже не мог.

Получил синий диплом. Собрал вещи. Уехал в Москву. Все было кончено. Почти. Когда я включал музыку, чудо возвращалось. Что бы я без нее делал! Ельцин уверенно вел страну к краху. Я подумал, что мне надо стать частью истории страны. Ценные бумаги все больше увлекали меня. Целыми днями я изучал котировки акций, отчеты эмитентов. Завтра меня ждало собеседование в крупнейшем банке России 1990-х. Новый жесткий мир без музыки и любви был рядом. Мне стало нечего терять. Я решил стать нормальным человеком. Все чаще и чаще я слушал группу *The Doors*. И читал Карлоса Кастанеду. Путешествие к нормальности спасет меня. Я не взял с собой гитару. Впереди было как-то очень неуютно, но выбора не было. Отец и мама были рады. Я становился нормальным. Человеком. Должен был стать.

P.S. Сказать, что мы ссорились, – не сказать ничего. Два максималиста. Телец и Овен. Я просыпался с мыслью о ней, думал о ней каждую секунду, мои сны тоже были о ней. Я много читал о любви, но не думал, что вытяну эту карту. Ее длинные красивые пальцы, сжатые в моих руках, ее расширяющиеся зрачки во время возбуждения, ее голос с ленцой, ее поразительная, всепоглощающая женственность и художественный вкус, ее непередаваемый запах, которым я не мог надышаться, захватили меня полностью. Но музыка не отступала, лишь, свесив голову, смотрела на мое падение. А я падал. Ее Величество Ревность подбиралась ко мне тихо и твердо. Ее чарующая привлекательность сводила с ума мужчин, утонченность вкупе с милой вульгарностью делали свое дело. Не выдержал один гражданин, гордо назвавший себя моим другом. Когда мы ругались, он в том числе ходил относить ей розы, мои письма, шоколад и другие примирительные предметы. Околдованный, он потерял, как и многие, около нее свои рамки. Мы ругались. Мирились. Искали друг друга. Скрывались друг от друга. Он оказался уместен в одну из таких размолвок. Детали не важны далее. Сильвестр Сталлоне говорил, что любовь – это война. На этой войне я получал много выстрелов. Но тот выстрел оказался в спину. А в спину всегда больнее всего. Вначале легко будто, а потом ноги подгибаются, и, стоя на коленях, думаешь об одном – за что? Но жизнь – это бесконечный вызов. Либо принимай – либо дрожи от страха. Я любил ее больше всего в мире. Я был ее ребенком, мужчиной и учителем одновременно. Я ей посвятил свою жизнь. Но мое сердце разбилось. На сотни мелких и острых частей. До сих пор я их собираю, и все еще далек от середины. В тот черный день, когда прозвучал выстрел, мне казалось – я не доживу до вечера. Но надо как-то было жить.

Три недели я провел взаперти на квартире одного знакомого. Спал и смотрел в потолок. Иногда воду пил. Вкуса не было. Иногда кричал. Иногда плакал. Эти недели превратили меня в другого человека. Едкого, по-настоящему неприятного, желчного и агрессивного. Если взглянуть в зеркало, один глаз у меня нормальный, а другой как будто прикрыт и очень отстранен. Один радуется жизни, другому все равно на все. Глубокая апатия и отчужденность шаг за шагом завоевали свое место в моей душе. Необходимость выжить вынудила меня убить свою природную открытость. И смириться. С тем, «что счастья нет, а мы не дети, вот и надо выбирать – или жить как все на свете, или умирать».

Почему умер Элвис? Почему умерли Джим и Курт? Почему я жив? Зачем? И лишь маниакальная, всепоглощающая, невесть откуда взявшаяся любовь к музыке держала меня в форме. И еще мамины глаза. Мать полностью отдала свою жизнь мне. Это не фраза – это ее ежедневный материнский подвиг. Бескорыстный. Я просто не мог ее предать.

Когда я вышел на свет, мир стал другим. Плоским. Чужим. Поролоновым. Невкусным. Банальным. Того чуда, в котором я жил, больше не было. Ничего не трогало и не волновало меня. Кроме музыки. Но она затаилась. В ожидании своего часа. Общаться со мной стало совсем неуютно. Все чаще я вымещал свою злобу на людях. Издевка стала моим кредо. В некоторых компаниях к этому так привыкли, что мое появление означало начало некоего шоу. Чокнутого тщеславного армянина. *One man show*. Но в городе мне все напоминало о ней.

Улицы, деревья, светофоры, кинотеатры, пицца, паста, трамваи, крыши, запахи, тропинки, кусты, лавочки. Везде была она. Везде. Я так боялся ее потерять, что потерялся в ней. Агрессия росла в моем новом сердце. Это было уже слишком. Мне нечего было терять. Я не искал помощи и не ждал ничего. Я уезжал в далекую и чужую Москву. Выживать и искать нового себя. Со старым было покончено. Мне нужно было создать совсем новый мир. В котором бы не было места для любви. Это оказалось дорогое – любить. За счастье надо платить. Деньги в этих платежах не принимались. Я стал расплачиваться. По полной программе. Собой.

Вторая книга. Клерк. 10—19 главы

Глава 10

Так бывает. Едешь пьяный домой. Сделка не закрыта. Все на рогах. А ты понимаешь, что все зависит от тебя. И, как правило, в этой сделке задействованы трудовые коллективы, порой большие, и ты думаешь, что ты – вершитель их судеб. И ты незаменим. Сделка начинает жить в тебе. Она тебе снится. Она может длиться полгода, 9 месяцев, год. Ты привыкаешь к рабочей группе, перестаешь на время сделки с кем-то общаться из реального мира, ходишь с важным видом. Ты про нее знаешь все: ты ее начинал, проверял актив, находил в нем проблему, описывал риски, считал цену, оценивал риски. И на выходе получил структуру сделки. Описал в презентации, и она – точная, красивая, из 15—20 слайдов – это и есть твой альбом. Каждый слайд – как песня. Название слайда – как имя песни. И под каждый слайд у тебя целая история, файлы, папки. Целая жизнь. Все как с песней. Но есть одна разница. Если ты болеешь, то песню на концерте никто не споет. А сделка? Сделка не остановится. Она продолжится. Твой дублер на соседнем стуле или твой шеф возьмет микрофон и продолжит концерт. Может, поэтому я не болею. Не устаю. Моя проблема – я опаздываю. Всегда опаздывал. Мой тренер (его так называю) однажды сказал мне, что тот, кто опаздывает, хочет привлечь к себе внимание. Если так, то у меня это от музыки. Певца ведь должны замечать. С одной стороны. С другой – твои опоздания бесят коллег. И меня бы бесили. Иногда ритм играет со мной злую шутку. Когда звенит будильник, я воспринимаю его как ритм, барабан, гитару и начинаю под него приспособливаться и снова засыпаю. А он играет и играет. Отбой.

Конец рабочего дня – всегда трогательный момент. Менеджер, уходя с работы, как будто оставляет на ночь свою сделку, понимая, что завтра будет встреча. Пройтись по Меморандуму: все ли так? Ведь в подготовке сделки можно дойти до совершенства, тем самым увековечив себя в своих глазах, а можно оставить ее недолговечной и непривлекательной. Все равно новые менеджеры исправят ее, сделают правильной, но только создатель сделки, носитель переговорного процесса глубинно понимает и холит свой проект. Это иногда похоже на хит. Хорошо сделанная сделка, без рисков, с будущими выигранными судами нравится всем, как хорошо записанная песня. Потом этот проект можно модернизировать, дублировать, клонировать, так же как хорошая песня дает вдохновение новым трекам. И в конце дня эти мысли проносятся во мне. Мой лучший шеф говорил: «Некрасивые самолеты не летают». Тут и получается, что если тебя не вставляет от того, как ты готовишь проект, то бишь эту самую сделку, настроение у тебя всегда на нуле. А первые люди, кто всегда с тобой на связи, и мучают тебя, и заставляют радоваться, – юристы.

Я забыл представиться: тружусь в корпоративных финансах. Это гвардия любой лютой компании. Не у каждой компании есть корфин. И корфинщики несут в себе смысл и настроение акционеров. А юристы, эти в высшей степени образованные и утонченные оформители, помогают гвардейцам срубить голову контрагенту. Но юристы, их психотип, ментальность, их бесконечное жонглирование терминами и нормативными актами требуют особого внимательного описания.

Юрист – друг человека, порождение цивилизации, отображение страха перед жизнью, логическая связь того, чего нет, и того, чего не будет, через предположения. Это апофеоз

абстрактного мышления. Это просто молодцы. Продавцы слов. И тревог. Туш. Юрист ищет ошибки в документе, ищет все время, борется с чужой точкой зрения. Но трагедия квалификатора в том, что ему порой – и позже, и все время – Все Равно. Так мало спецов, которые работают на результат проекта, а не на то, чтобы написать очередное заключение, из которого последует еще одно, и еще одно. И зная юридической доблести будет колыхаться над офисом. Всегда. Пока есть риски. Перепуганные директора-подписанты, измотанные непостижимыми последствиями, сдаются на милость этих милых беспощадных специалистов. Мышеловка захлопнулась. Юристы начинают делать вид, что им некогда. Менеджеры ждут. Компании теряют деньги. Люди теряют ЗП. А юристы получают бонус. И это логично. Они приучают нас бояться, и мы начинаем думать о рисках. Риски становятся основной побудительной силой принятия решений. Но все не так мрачно. Есть иной тип юристов. Крайне редок. Юристы-менеджеры. Расскажу о них позже.

Особенно не впечатляют ситуации, связанные с поездами и самолетами. Возьмешь, бывало, билет, а потом никуда не едешь. Не успеваешь сдать. Не успеваешь увидеть родителей. Не успеваешь всего, что запланировал. И перестаешь планировать. Не оттого ли так неприятны вопросы, когда твоя девушка или близкий друг просто спрашивают: «Какие у нас планы?» А ты так нервно-устало отвечаешь: «Не знаю!», думая, что это продолжение работы. Это ранит близких, они замыкаются и ждут. Твоего хорошего настроения. Которого нет. Отчего так? Но если бы меня перевели работать в операционный зал банка, я бы вносил цифры в таблицы, ел бы мармелад и чай бы пил, женщина-начальник в 16:00 проверяла бы меня, я бы брал сумочку в 17:57 и ровно в 18:00 стоял бы на улице, и никто бы не звонил мне после этого времени. Разве не об этом мечтаешь ты, парень из корпоративных финансов, когда вместе с подругой пьешь четвертый бокал вина дома, а потом в 21:30 звонит мобильник, и ты на 20 минут уходишь в коридор разговаривать? Рассказывать, что гарантии, которые мы дали, носят формальный характер, нет у нас непогашенных векселей, и денег на счетах достаточно для покрытия налогов и... А твоя подруга в этот момент меняется. В лице. Ты возвращаешься, понимая, что ты молодец, в тебя вселяется снова он. Твой шеф. И продолжает жить в тебе. Твой любимый и недожданный босс, который всегда с тобой. И даже в снах. И твоя подруга чувствует, что для нее нет места в твоей солдатской жизни. И тирамису ничего не меняет. Ничего. Так что – хочешь отправиться в операционный зал? Жить понятно и правильно! Почему же я не там? Что движет нами в нашем нежелании жить спокойно и упорядоченно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.